

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

КАРУСЕЛЬ ТЕНЕЙ

Андрей Александрович Васильев
Карусель теней
Серия «Отдел 15-К»
Серия «А.Смолин, ведьмак», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66483366

Аннотация

Когда возвращаешься из долгого путешествия, то никогда не знаешь, к чему приедешь. То ли все будут рады тебя видеть, то ли, наоборот, накопится столько проблем, что и за год не разгребешь.

Ну, а иногда такое ждет странника дома, что лучше бы и вовсе туда не возвращаться. Например – старые долги, о которых ты уже и думать забыл. А не стоило бы забывать. Ох, не стоило...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	26
Глава третья	48
Глава четвертая	69
Глава пятая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей Васильев

Карусель теней

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Вот и я! – весело сообщила мне Жанна, выныривая из черноты багажного отделения и традиционно восседая на моем чемодане. Она во всех аэропортах, где мы побывали, поступала так же. Нравилась ей эта забава. – Слушай, чего Шереметьево все кому не лень критикуют? Все тут нормальненько, чистенько, сотрудники в одинаковой форме, аккуратненькие такие. Не то что...

– Жанна, ну сколько можно вспоминать тот случай? – устало осведомился у своей неуспокоенной спутницы я, когда она оказалась рядом со мной. – Ну, завалили тебя один раз чемоданами, да. Но когда это случилось? Год прошел. Или

даже больше. И потом, ты тогда больше смеялась, чем злилась. Я же помню!

Но в целом с ее точкой зрения я был согласен, Шереметьево выгодно отличалось от ряда аэропортов, в которых мне за минувшие два года довелось побывать. Например, в Барселоне я был просто шокирован размерами и безлюдностью тамошнего воздушного порта. Нет, так-то он всем хорош, но вот только идешь по нему, идешь и не знаешь – есть тут еще люди, кроме тебя, или нет? Там, позади, где паспортный контроль остался, они точно попадались. А тут – не факт. И главное, ни тебе магазинов в изобилии, ни тебе ресторанчиков в ассортименте. Одни коридоры, переходы да желто-выгоревший пейзаж за окнами.

Впрочем, путешествие по коридорам нового терминала мне как раз Барселону и напомнило. Правда, на безлюдье тут, конечно, жаловаться не приходится.

Но это все мелочи. Главное другое – я наконец-то вернулся домой. В Москву.

Врать не буду – соскучился. Правда соскучился. Новые города, впечатления, друзья и подруги – это прекрасно. Но чем дальше, тем больше меня тянуло сюда, в огромный муравейник, который скоро как тысячу лет носит имя Москва. Мне не хватало этих улиц, скверов, кофеен, обманчивого городского дружелюбия и его же непритворного равнодушия. Я соскучился по зимним московским хлябям, летнему зною, осеннему сплину и весеннему прозрачному небу.

Нет, я прекрасно провел эти два года. Повидал мир, многое узнал, многое понял, обзавелся неплохими связями и даже заработал определенную репутацию в узких кругах тех, кто считает днем Ночь. Не скажу, что жизнь все это время была безоблачна, нет. Случалось такое, например, что по тем или иным причинам меня хотели убить. Вот хоть бы Париж вспомнить. Там я столкнулся со своим собственным прошлым в самом прямом смысле. Местные чернокожие поклонники культа вуду пронюхали, что именно я стал причиной смерти их негласного лидера, которым являлся покойный Кашеевич, и по этой причине устроили на меня форменную охоту, в которую вскоре оказалась вовлечена куча народу, в том числе одна очень шустрая местная ведьма по имени Жозефина, а также несколько сотрудников Бюро, тамошнего аналога отдела 15-К. Выпутаться я, конечно же, выпутался, но во Францию с тех пор стараюсь нос не совать без особой нужды. Особенно в Париж. Почему? Просто не все вудуисты тогда свои курчавые головы в финальной переделке сложили, кое-кто уцелел. А они ведь меня не просто убить хотели. Они меня сожрать собирались. Сначала еще живого как следует дубинками поколотить, чтобы мясо помягче стало, а после зажарить.

Или можно Чехию вспомнить. Прага – город вообще непростой, с давней и мрачной историей, там всегда следует нос по ветру держать. Жаль, что мне сразу этого никто не объяснил, может, тогда и не влип бы я в на редкость мутное

дело, связанное с наследием императора Рудольфа Второго, его придворного мага Льва бен Бецалея и астронома Тихо Браге. Хотя, ради правды, тут большей частью подвело меня собственное тщеславие. Просто мне очень понравилась девушка Генриетта, с которой я познакомился на второй же день пребывания в Праге, распустил я перед ней перья, что твой павлин. А когда узнал, что она одна из тех, кто живет под Луной, так и вовсе раздухарился.

Результат – смертельно опасное приключение в пражских подземельях, включая такие, о которых даже местные диггеры не ведают, дырка в левом боку, которая чуть не отправила меня на тот свет, и окончательная уверенность в том, что есть на Земле тайны, которые лучше не знать. Впрочем, из плюсов этой истории стоит отметить совершенно фантастическую неделю, что мы после провели с Генриеттой в Карловых Варах, и селфи с настоящим големом.

И так страна за страной, город за городом. То ли я мастер находить приключения на свою голову, то ли все же проклял кто-то меня еще тогда, два года назад.

Хотя – вру. Последние полгода выдались относительно спокойными. Большой частью я их провел в Венгрии, на берегу одного из тамошних озер, в тишине и безмятежности, почти не выбираясь в людные места. Нет, какое-то количество заказов по своей ведьмачьей специальности за это время взял, конечно, но куда без этого? Есть-пить мне что-то надо, верно?

И ведь хорошо там было, в Венгрии. На самом деле хорошо. Летом не слишком жарко, зимой не сильно холодно, еда вкусная, воздух чистый, люди вокруг хорошие. Правда, они меня поначалу принимали то ли за бандита, то ли за олигарха. Ну вот подумалось им, что неспроста русский тут, в европейской глуши, обитает. Наверняка прячется или от правосудия, или конкурентов. Потому поначалу местные мужчины, когда я заходил в местный бар, смотрели сторожко, не зная, что от меня ожидать, а бармен всякий раз заводил песню Робби Уильямса «Party like a Russian». Но зато этот флер таинственности притягивал ко мне местных девиц из числа тех, кто ищет приключений на свою подтянутую или не очень задницу.

Но мне они все были неинтересны, так как у меня уже была Маргит. Красавица Маргит. Ее губы пахли вечерней свежестью воды, косы напоминали реки, а глаза отливали синевой неба.

Мы почти поверили, что встретились не зря, что это судьба. Но ее брат, между прочим самый настоящий чародей, наследник тех, старых мастеров, не сильно хотел видеть своим зятем ведьмака из далекой России. Нет, он ко мне отлично относился, но называть родичем категорически не желал.

Тем более что мне начала сниться Москва. Все чаще и чаще. Она ждала меня, я ощущал этот зов почти физически. И с каждым новым рассветом я все сильнее осознавал: время странствий подходит к концу. Мое место там, в далеком и

суетном городе, а не здесь, на берегу озера. Там я родился, там обрел свою новую суть, там, надо думать, когда-нибудь меня навсегда заберет к себе та, которой я служу.

Вот так и вышло, что Маргит осталась в Венгрии, а я, понавив в одночасье, что если в ближайшие два-три дня не глотну майского московского воздуха, до отказа напоенного атомной смесью ароматов свежей листвы, выхлопных газов, дорогой парфюмерии, близящейся грозы и свежесваренного кофе, то попросту умру. От тоски. В том году не умер, но в этом точно копыта откину.

Короче, одним днем собрался и уехал. Сначала в Будапешт, а уж оттуда сюда, домой. Устал за время дороги как собака, но все равно счастлив.

Я дома!

И вишенкой на торте, а может, подарком судьбы оказалось то, что все за пределами аэропорта обстояло так, как надо. Так, как мне виделось во снах и мечтах.

Там меня встретило умытое легким весенним дождичком славное майское утро. Свежее, с капельками, блестящими на хrome поручней, с легким ветерком и многоголосым шумом людей.

Вечная московская круговерть, как же мне тебя не хватало!

– Такси? – осведомился у меня сонный молодой человек и тряхнул биркой, висящей на шее. – Едем, нет?

– Едем, – согласился я и назвал адрес.

– Три, – подавил зевок юноша.

– Неужто бензин так подорожал? – изумился я, вспомнив о том, что раньше подобная поездка стоила вдвое меньше. – Или инфляция страну настолько заела?

– Вольному воля, – равнодушно ответил мне он. – Ищи дешевле.

Не скажу, что у меня не было денег. Были. Не то чтобы прямо очень много, но тем не менее. С месяц назад я по просьбе упомянутой выше Жозефины помог одному состоятельному англичанину избавиться от назойливого призрака его прадеда. Там вообще забавная история вышла, связанная с чистотой крови и правом наследования. В результате я довольно-таки неплохо заработал, несмотря на невероятную скаредность обитателя Туманного Альбиона, а моя подруга Жозефина получила доступ к семейным архивам его семейства. Зачем это было нужно моей приятельнице-ведьме, неизвестно, но, зная ее предприимчивость, не сомневаюсь в том, что в конечном итоге она сорвала куш поболее моего. Может, опять клад своей родственницы-маркитантки, принявшей участие в битве при Азенкуре, затеяла искать, может, еще что. Кто знает, какие мысли на этот раз бродили в ее шальной французской голове?

Хотя, памятуя о нескольких наших совместных приключениях, я этого не знаю и знать не желаю. Мне моя жизнь дорога. И рассудок тоже.

– Как скажешь, – ответил я индифферентному перевоз-

чику и достал из кармана смартфон.

Надеюсь, «Яндекс. Такси» за эти два года не успело исчезнуть в никуда? И не стало работать медленнее, чем раньше?

Нет, тут все осталось как было: и «откуда вас забрать» спросили, и машину подали быстро. Цена поездки, конечно, все равно оказалась не такой уж низкой, ибо дорога ложка к обеду, но сравнивать ее с названной мне ранее было как минимум приятно.

Ну а бонусом оказалось то, что в серебристой «Киа» меня встретили сразу два водителя. Один – живчик-азиат, с глазами-щелочками на круглом, что твой блин, лице, улыбочивый и расторопный, второй же мой соотечественник средних лет, хмурый и ворчливый. А еще – мертвый.

Правда, я не сразу понял, что он тоже водитель, ясность в данном вопросе появилась уже после того, как мы отправились в путь. До того он меня просто обматерил, таким оригинальным образом предупреждая о том, что не стоит садиться на переднее сиденье, и, разумеется, даже не догадываясь о том, что я его слышу и вижу. Впрочем, я и не собирался посягать на данное место, мне все равно сзади сидеть комфортнее. Да и привычнее, за минувшие два года у меня уже сформировалась привычка располагаться сзади. Не принято в Европе плюхаться рядом с водителем.

После того как машина тронулась, он переместил свое внимание на шофера, всяко костеря его за то, как он управляется с автомобилем, за то, что в салоне играет шансон, а не

«Милицейская волна», за то, что окно открыто, и еще много за что. А еще прозвучала фраза: «Когда я за рулем этой ласточки сидел, совсем другое дело было», что полностью прояснило ситуацию. Хотя я и без того догадывался, что при жизни наш нежданный попутчик работал таксистом и, скорее всего, именно на этой машине. Может, в ней и помер, например от инфаркта. Ну да, на вид ему сорока нет, но болезни молодеют, так что сердечным приступом у нестарых еще мужчин нынче никого не удивишь. Потому и после смерти он на своей ласточке катается, это его единственный якорь в новом, но нелучшем мире.

Непонятно только, чего он на нашем пласте бытия застрял? Наверняка какая-то причина есть. Но, признаться, мне плевать, какая именно, поскольку я не собираюсь разбираться в том, что случилось с этим ворчуном. Это не мое дело.

– Капец, какой он душный, – сообщила мне Жанна минут через пять, скорчив недовольную гримасу. – Неудивительно, что его тут оставили. Кому он там, наверху, с таким характером нужен?

Ее слова произвели на зануду-таксиста невероятное впечатление, он, бедный, даже подпрыгнул, да так, что его голова на время скрылась из поля зрения, пробив потолок автомобиля. Видать, не так давно он стал призраком, с подобными себе еще не встречался и не знает, что есть все же на белом свете те, кто может его видеть и слышать, и я сейчас речь

не о себе веду. Вот вылез бы он хоть раз из машины, погулял бы по аэропорту и узнал, что, кроме него, другие призраки есть. В том же Шереметьеве их хватает. Место людное, случается в нем всякое, потому минимум десяток душ я по дороге из самолета до выхода приметил. Мало того, двое из них поняли, кто я такой есть, и поспешно скрылись из вида, из чего следовало, что устраивает их нынешнее существование, не желают они сводить знакомство с Ходящим близ Смерти.

Вывод: даже на том свете социопатам живется несладко. Это я про своего нежданного попутчика речь веду.

– Ты меня видишь?! – заорал он, вернувшись в салон. – Видишь, да? И слышишь?

– Лучше бы не слышала, – поморщилась Жанна. – Ты такой нудный, такой ворчливый. У тебя, наверное, при жизни даже женщины не было, потому что такой бубнеж ни одна не выдержит, даже самая кривая и косая. Максимум – проститутки, да и те, наверное, с тебя сверх таксы денег брали.

– Сама ты косая! – ошарашенно отбрехнулся таксист. – Вон шея буквой «зю» вывернута. И на шлюху ты похожа, между прочим.

– Вот ты козел! – возмутилась Жанна. – Я модель! Была.

– Так ты – как я? – наконец смекнул призрак. – Тоже померла?

– Капитан Очевидность. – Похлопала в ладоши моя спутница, выдав одну из своих коронных улыбок. – Поздравляю, догадался.

– Слушай, а почему так? – засуетился таксист. – Почему мы тут? И как отсюда... Ну... Уйти? Всегда думал, что после смерти либо ничего нет, либо что попаду в трубу, по которой полечу... Ну, куда-то.

– Фантастический идиот, – сообщила мне Жанна. – Да?

– Не больше, чем ты два года назад, – ответил я ей совсем негромко, так, чтобы не привлекать внимания водителя.

– А? – поняв, что мой ответ был адресован злорадно лыбящейся девице с кривой шеей, призрак таксиста совсем уж ошалел от происходящего. – А?

Он перегнулся через сиденье и махнул рукой перед моим лицом.

Я вздохнул, в очередной раз подумав о том, что язык мой – враг мой, после достал телефон и приложил его к уху. Это, увы, была необходимая мера, которой я пользовался с давних времен. Люди большей частью своей достаточно мнительны и не очень благодушно относятся к тем, кто говорит сам с собой. Чаще всего они склонны видеть в таких чудаках безумцев разной степени социальной опасности или же наркоманов, находящихся в трансе.

Впрочем, в свое время я и сам на том же Гоголевском с любопытством поглядывал на тех, кто, идя по бульвару в совершеннейшем одиночестве, при этом с кем-то общался. Смотрел и гадал – блютус или марихуана? Поди пойми...

Короче, я давно для себя решил не дразнить собак, потому, беседуя на людях с той же Жанной, всегда доставал те-

лефон.

– Ты меня видишь? – вопрос прозвучал с такой мучительной надеждой, что даже камень, наверное, прослезился бы. – Да? Видишь?

– Клешню убери, – велел ему я холодно. – Ты мне ее еще в глаз засунь. И вообще, не шали в ближайшие сорок минут, хорошо? Это в твоих интересах. Последние полдня я провел в пути и очень устал, по этой причине добряком меня не назовешь.

Повторюсь – камень, может, и прослезился бы. Но не я. Меня этими страдальческими интонациями не пробьешь, я хорошо знаю им цену. За последние два года я вообще научился ориентироваться во многих вопросах, о которых раньше даже не догадывался.

– Ты меня видишь! – взвыл бывший таксист. – Видишь! А почему? Как? Ты кто вообще?

Вместо ответа я убрал телефон в карман и снова уставился в окно, за которым мелькали среднерусские пейзажи, по коим мне время от времени доводилось скучать в дальнем зарубежье. Ностальгия, знаете ли, свойственная русским людям, особенно если перед ее приступом ты закинул в себя изрядное количество виски или текилы. Так что радовали мой взор как березки и елочки, так и до сих пор нереновированные хрущевки, а также многочисленные торговые центры разной степени престижности, включая показавшуюся в поле зрения «Мегу». Дорога по причине раннего времени

все-таки оказалась пуста, а потому мы невероятно шустро домчались аж до Химок.

– Нет, ты мне ответь! – Вконец распоясавшийся призрак полез ко мне чуть ли не с кулаками. – Я тут, как дурак...

– Ты дурак и есть! – протараторила Жанна, глядя на него. – Он Ходящий близ Смерти, ясно? Так что лучше заткнись и сиди тихо до той поры, пока мы из этой колымаги не выйдем. Целее будешь!

– Это не колымага, – зло зыркнул на нее призрак. – И мне плевать, ходячий этот мажор или сидячий. Он меня видит! А значит, может сделать то, что я ему скажу.

– Идиот, – обреченно произнесла Жанна. – Ну и ладно. Сам виноват.

В принципе все так, одно только неясно: почему мажор? Может, из-за перстня, что мне Маргит при расставании подарила? Или из-за костюма? Ну да, он сильно недешевый, только сомневаюсь я, что данный товарищ настолько хорошо разбирается в тенденциях мужской моды текущего года. Особенно тех, что касаются деловых костюмов.

Я, впрочем, тоже в них не силен. Просто два месяца назад помог выяснить владельцу одного из крупнейших миланских модных магазинов кое-какую информацию, скоропостижно ушедшую за пределы бытия вместе с его родителем. Нет, ничего нового, все как обычно: пароли от сейфов, коды доступа к банковским ячейкам. Но в этот раз вместе с гонораром мне перепало три костюма на все случаи жизни,

полдюжины сорочек, пяток галстуков и куча аксессуаров по мелочам. С ними в комплекте еще шли подмигивания и многозначительная игра бровями вышеупомянутого наследника модной империи, но эти намеки я предпочел не замечать. Как, впрочем, и всегда в таких ситуациях. Это в России, слава богу, все в отношениях полов пока идет так, как положено от веку, а в Европах, знаете ли, давно векторы сместились.

– Слышь. – Разошедшийся таксист попытался схватить меня за лацканы пиджака, но, разумеется, безуспешно. – Доставка телефон и набирай номер. Девятьсот шестьдесят...

Дослушивать приказ я не стал и попросту ткнул его пальцем в лоб, после чего призрак на полуслове замолчал и рухнул прямо на «торпеду» машины в оцепенении.

Подобную способность я обнаружил у себя не так давно, причем работала она не с любой нежитью, а только, скажем так, с неопытной, неокрепшей. Прошлой осенью в Севилье, куда меня занесло по делам, вот так же прицепилась какая-то девица с довольно жуткой дыркой на месте правого глаза, а после добрых полдня таскалась следом, то прося, то требуя того, чтобы я помог ей воздать по заслугам некоему Миклосу. Этот ухарь, насколько я понял, стал причиной смерти, он то ли случайно, то ли нарочно выстрелил ей в лицо. Подозреваю, что все-таки нарочно, очень уж занудной особой оказалась эта гражданка.

Под конец я вот так же ткнул ей пальцем в лоб со словами:
– Чтоб тебе остолбенеть, липучка!

И – вуаля, так и вышло. Из нее словно батарейки вынули, она ни двигаться, ни говорить больше не могла, просто застыла как статуя, а затем повалилась на мостовую.

В тот же день я опробовал новую способность на Жанне и еще паре безобидных призраков в отеле, где проживал. Моя спутница только хихикала, когда я ей тыкал пальцем в лоб, один из неоформленных жильцов гостиницы, обитавший там добрых лет двадцать и при этом отличавшийся на редкость незлобивым для столь почтенного посмертного возраста нравом, тоже и не подумал подчиниться моему приказу, а вот печальный юноша, умерший в одном из номеров с полгода назад от внезапного сердечного приступа, отреагировал на мое указание так же, как докучливая девица, то есть оцепенел, что твой кролик при виде удава. И только через полчаса он смог вернуть себе власть над призрачным телом, да и то не в полной мере. А после поведал мне о том, что, лежа недвижимым, он все время испытывал дикий ужас. Настолько сильный, что второй раз такое пережить бы не желал.

С тех пор я взял обретенную способность на вооружение. Срабатывало, повторюсь, через четыре раза на пятый, но знали про это только я да Жанна с Родькой, со стороны же подобное выглядело очень, очень эффектно. Эдакий истинный маг. Ткнул пальцем в лоб – и нежить у моих ног штабелями складывается.

Причем искренне хочется надеяться, что за тот период времени, пока он там валяется, мы все же доберемся до мо-

его дома. Ведь этот таксист, как только очухается, снова вопить начнет, требования выставлять. Как, впрочем, любой недавно окочурившийся человек, застрявший тут, в мире живых, и случайно узнавший, что среди них есть тот, кто его может услышать. И ведь что примечательно: хоть бы один из них, хоть раз спросил, а хочу ли я вообще кому-то помогать? Нет, они сразу за горло норовят схватить, дескать, бери больше, кидай дальше. Причем в девяноста девяти процентах случаев проблемы и запросы у всех одни и те же – позвони туда, поговори с близкими и родными, доведи до сведения властей, что это было убийство, а не несчастный случай, и так далее и тому подобное. Раз за разом, снова и снова...

И не могут понять, что я никому ничего не должен, и им в первую очередь. Их смерть – их проблема, а не моя. Я служу лишь той, кто раньше или позже получит всех и каждого. Ей одной – и больше никому.

А все остальное – дело случая и везения. Бывает так, что кому-то из них удача улыбнется в последний раз, потому что мне понадобятся деньги, и по счастливому совпадению именно в этот момент появится некто из ныне живущих, готовый заплатить их за мои услуги. И вот тогда их последние хлопоты отчасти станут моими.

Но такое случается нечасто, поскольку живым в девяноста девяти процентах случаев от мертвых не нужно, да и я не сильно стремлюсь наводить мосты между мирами или служить поводырем для душ, уходящих навсегда. Поначалу,

еще тогда, до отъезда, эти новые ощущения меня интриговали и привлекали, но чем дальше, тем сильнее я слышу звуки иных миров, иных измерений. И это меня, мягко говоря, настораживает.

Не стоит испытывать судьбу без особой нужды. Ни к чему это.

Машина, скрипнув тормозами, остановилась около подъезда, который, признаюсь, мне даже снился пару раз там, на чужбине. Вот как на родину тянуло!

– Сдачи нет, – весело заявил мне водитель, которому я протянул две тысячные купюры. – Утро!

– Врет, – проскрипел призрак у меня из-под ног. Он очухался еще пару минут назад, говорить уже мог, но двигаться пока нет. – У него в левом внутреннем кармане куртки размен всегда лежит.

– Да и не надо. – Я открыл дверь и снова с наслаждением втянул ноздрями хмельной весенний воздух. – Ничего страшного.

– Спасибо! – Водитель выскочил из машины, а после извлек из багажника мой чемодан. – Эта. С приездом!

– Ну да, ну да. – Я потянулся, а после оживился, заметив знакомую фигуру, махавшую метлой у соседнего подъезда. – С ним. Эй! Привет, Фарид! Сколько лет, сколько зим! Как дела? Как Хафиз? Дети как?

– Сашка, ты? – Захлопала густыми ресницами дворничиха, обернувшаяся на оклик. – Ой, ма! А мы думали, что ты

мертвый! Галина Антоновна из шестой подъезд прошлое видит и иногда будущее. Вот она говорила – сгинул ты навсегда. Застрелили тебя!

– Почему именно застрелили? – удивился я. – Почему не утопили или не повесили? Откуда такая категоричность?

– Так ты в банк работал! – пояснила дворничиха, подходя поближе. – У вас по-другому как? Никак. Был бы большой начальник, тебя в машине бы взорвали. А ты – маленький начальник, у тебя машины нет. Значит, застрелили.

– Сплошные стереотипы, – вздохнул я. – Фарида, меньше смотри сериалы. Ну а если смотришь, то хоть не верь всей это ерунде.

– Ерунда не ерунда, а два года тебя не было, – резонно заметила таджичка. – Где пропадал? Зачем? Не иначе как из-за работа умер.

– Ну, можно сказать и так, – не стал с ней спорить я. – Но вообще – учиться ездил.

– И как, выучился?

– Скорее да, чем нет, – рассмеялся я. – Новости-то какие еще есть?

– Абдулжон мой первый класс заканчивает, – гордо подбоченилась она. – Молодец такой! Буквы знает, цифры знает и авторитет среди одноклассников имеет.

– Молодец. Чего еще?

– Марина Тимофеевна из ЖЭКа зимой померла, – подумав, произнесла Фарида. – А, вот еще! У Маринка, с кото-

рой тебя тогда ребенок не получился, такой ухажер появился, такой ухажер! У него машина... Это... «Хаммер». Хафиз говори, что такая очень много денег стоит! Сильно много. На них десять обычных машин купить можно. Или даже двенадцать.

Странно. Вроде раньше Маринка не столько за материальным гналась, сколько за неформатным. Между теми, с кем удобно, и теми, с кем интересно, она всегда выбирала последних. Но, как видно, за два года полюса взглядов немного сместились.

Впрочем, может случиться так, что одно совпало с другим. Ведь непризнанные гении и нестандартные личности иногда и на «Хаммерах» могут кататься. Почему нет?

– Еще к тебе тоже разные ездили, – продолжала тем временем вещать Фарида. – Давно. Тот год еще. Женщины. Ко мне подходили, спрашивали, где ты, что ты. Когда сами, когда нет. Водителей присылали.

– Да ладно? – заинтересовался. – И что ты им рассказывала?

– Правду. – Мне показалось, что дворничиха даже обиделась на меня. – Зачем врать? Сначала говорила, что давно не видела. Потом, что все думают – тебя застрелили. Потому что ты...

– В банке работал маленьким начальником, – закончил за нее я. – Деньги хоть платили за информацию?

– Я сама не просила, – горделиво оперлась на метлу Фа-

рида. – Я имею свое уважение. Но если давали – не отказывалась. Но у твоей бывшей жены не стала деньги брать. Она женщина хорошая, хоть тебе и не подходит. Другой ей нужен, такой, который всегда рядом. Как мой Хафиз. А вот мать ее недобрая, все, к чему она прикоснется, порченное станет.

– Светка тоже приходила? – опешил я. – Вот тебе и раз!

Странно. Она-то чего тут забыла? Вроде тогда за городом, после памятной стычки с отпрыском покойного Арвена, мы с ней последние точки в нашей совместной истории поставили.

Ну, буду надеяться на то, что она приходила позвать меня на свою свадьбу в качестве почетного гостя. А что? Со Светки станется. Она тихая, тихая, а на деле там такие черти в душе иногда джигу пляшут – что ты!

– Еще красивая женщина приезжала. В возраст уже, но красивая. Не раз, не два приезжала. Зимой снова была. Сильная, сразу видно. Такая... Всех вот тут держит, – Фаридасжала кулачок. – Но уважительная. Сама ко мне подошла, первой поздоровалась.

– Лет сорок, блондинка, невысокая? – уточнил я и получил в ответ кивок. – Ясно.

Ряжская. Опять же, вроде ведь все перед моим отъездом мы с ней решили? Вернее, я дал ей понять, что имею полное право стереть и ее, и мужа с лица земли, но не стану этого делать в счет недавних партнерских отношений. Но на этом –

все. Никакого «потом поговорим» или «выдохнем и начнем снова» не предвидится.

И я был уверен, что Ольга Михайловна, которой в уме и осторожности не откажешь, на этот раз сделала верные выводы.

Как видно, ошибся. Иначе чего бы ей тут крутиться? Впрочем, выбираясь из болота, и за гадюку вместо веревки схватишься. Мало ли что у нее произойти могло? А женщина она при всем прочем еще и рисковая, этого не отнять.

– Другие не такие были, – Фарида поморщилась. – Особенно одна, толстая такая. Кричит, руками машет. «Где он». «Где он». А я откуда знаю, где ты?

– Если еще кто приедет, ты формулировку не меняй, – попросил я ее. – Нет меня. Не вернулся до сих пор. А еще лучше используй версию Галины Антоновны, ту, в которой меня застрелили.

– Дурак, Сашка, – рассердилась дворничиха. – Кто так говорит? Пустой твой башка! Совсем не изменился.

– Да с чего бы мне это делать? – мило улыбнулся я и направился к подъездным дверям, отметив при этом, что на скамейке сидит тот самый призрачный таксист из машины, что привезла меня домой. Как видно, у него достало сил выбраться из салона и даже вон доползти до лавки.

– Поговорим? – поймав взгляд, с надеждой спросил он у меня, но я и не подумал отвечать.

Да и с чего бы?

– Жанна, тебя долго ждать? – осведомился я у девушки, которая остановилась в двух шагах от входа в подъезд. Дальше ей проход был закрыт, не имела она на это права.

– Ты шутишь? – Никогда я еще не видел эту беззаботную девицу настолько серьезной.

– Нет, – я подавил зевок. – Два года мы жили бок о бок, ты помогала мне, я пару раз спас тебя. У меня с большинством живых столь близких отношений сроду не водилось. И что, ты теперь будешь ошиваться вот здесь, с этим хмырем, а я жить там, наверху? Все, не дури, пошли уже. А если тебя смущают формальности... Я даю тебе право войти в мой дом. Но только в мой, и более ни в чей.

– Ура! – пискнула девушка и скользнула в подъезд.

Я глянул на Фариду, которая, отойдя подальше, уже достала телефонную трубку и даже прижала ее к уху, на таксиста, хмуро смотревшего перед собой, на утреннее небо и закрыл подъездную дверь.

Глава вторая

Однако, сколько же макулатуры может скопиться в почтовом ящике за два года! Вроде и бесплатных газет уже не стало, так как данный промысел ушел в Сеть, и писем почтовых с открытками никто друг другу не пишет давным-давно, а все равно такой ворох разной корреспонденции я из него выгреб, что только диву дать можно.

Прямо сейчас разбирать весь этот мусор я не собирался, потому запихнул его в рюкзак, чем вызвал недовольное ворчанье Родьки, на которое, впрочем, не обратил никакого внимания. Просто ничего другого от него ожидать и не приходится. Не любит мой слуга путешествия, надоели они ему хуже смерти, потому в дни перелетов или переездов он начинает жалеть себя и до того, как залезает в рюкзак, и после, когда его покидает. Причем ни шоколад, ни газировка в этот день благодущия ему не возвращают.

А тут еще вон бумаги на голову сверху посыпались. Само собой, он моментально начал невесть кому жаловаться на глобальное мироустройство в целом и на своего хозяина в частности.

Вообще, наверное, я слишком его разбаловал, всякий раз разрешая высказывать свое мнение и в некоторых случаях даже недовольство моими решениями по тому или иному поводу. И да, стоило бы ему напомнить о том, кто здесь слу-

га, кто господин, стоило.

Но... Не хочу я его ломать о колено, как настоящему ведьмаку и положено. Не хочу, чтобы он стал таким же, как его собрат-слуга, который безропотно позволил у себя один глаз хозяину вырезать. Да, Родька сварлив, прожорлив и тщеславен, этого у него не отнять. Но он идет за мной не только потому, что такова его судьба. Он стал мне другом, как бы странно это ни звучало, и сей факт проверен в ряде довольно непростых и опасных авантур. Когда приходит беда, на него можно положиться, и это достоинство перевешивает десяток недостатков.

Он мне даже жизнь умудрился спасти как-то разок. Правда, потом раз десять про это напомнил в тот же день и еще раз сто в последующие. Я же говорю – он невероятно тщеславен.

– Не зуди, – я легонько стукнул рюкзаком о стенку лифта. – Почти приехали.

– Наконец-то, – закатила глаза под лоб Жанна. – Сейчас немного передохну и отправлюсь в центр. По магазинам прогуляю.

– Отдохнет она! – скрежетнула молния и Родька, истомившийся в рюкзачном чреве, высунул голову наружу. – А то ты сильно перетрудилась! Мы пахали – я и лошадь! Да и как ты устать можешь в принципе, нежить ты могильная!

– Мохнатая нелюдь, – привычно и с легкой скукой отозвалась девушка. – Нерасчесанная и блохастая.

– Кривошея вешалка. – Родька подтянул себя вверх, высунувшись из рюкзака более чем наполовину, непонятно каким образом скрутил из своих коротеньких пальчиков две фиги, приложил их к груди, присвистнул и произнес: – Во! Эт ты! Ох, батюшки!

Последние слова были адресованы не Жанне. Это я трянул рюкзак, и мой слуга снова провалился внутрь.

– За что, хозяин? – через секунду жалобно проныл он. – Сменял? Меня на мертвячку сменял? Это я тебе, между прочим, в городе Венеции жизнь спас, а не она!

– Случайно, – поправила его Жанна. – Скорее всего, по недомыслию. Хотя... Откуда в твоей башке вообще мысли возьмутся?

Лифт остановился, раскрыл двери.

– Как же вы мне оба... – я выдохнул. – Дороги! И какое счастье, что наконец-то мы вернулись в Москву. Может, хоть здесь от ваших бесконечных свар отдохну.

– Это все он! – заявила девушка. – Он начинает. Я сама сроду первой скандалить не стану!

– Жанка виновата всегда и во всем! – прогудел, как шмель, из рюкзака Родька. – Она вбивает между нами клин, хозяин! Нарочно! Желает нас рассорить.

– Я вбиваю? – взвилась под потолок Жанна, причем в буквальном смысле. – Ах ты, детская шубка на ножках! Да ты в Сашу, как клещ, впился и вечно чего-то у него выпрашиваешь! То еду, то фонарик, то брелок. Только и слышишь:

«хозяин, купи», «хозяин, подари». Он терпит. Я не стану!

– Кстати, да, – подтвердил я, подходя к двери. – Тут она права. Денег на тебя уходить стало сильно много. Шоколад тебе подавай только «Тублерон», опять же на круассаны ты подсел не по-детски, простой хлебушек тебе на завтрак уже негод. Зажрался ты, мил друг.

– Зажрался, – обличительно подтвердила Жанна. – Не то что я.

– Ты мертвая, – буркнул Родька из рюкзака. – Тебе ничего и не надо.

– Зато ты столько хлама насобирали за это время, что вон пришлось через DHL доставку оформлять. Саша столько просто не допер бы на себе.

– Там моего всего ничего! – заорал Родька. – Магнитики, сувениры разные, карандашники цветные! А остальное – одежда хозяина и книги.

– А еще набор сковородок из Швеции, – загнула пальчик Жанна. – Куча бейсболок, которые вообще тебе непонятно зачем нужны. Кружки с названиями отелей. Полсотни, не меньше!

Пока эти двое переругивались, я, подбрасывая ключи на ладони, внимательно осматривал входную дверь. Времена, когда я не думая совал ключ в замок, давно миновали, теперь мне было хорошо известно, сколько разных неприятностей можно нажать, совершив столь незамысловатое вроде бы действие.

И нашел-таки то, что искал. Тоненькую, еле заметную булавочку, по самую головку воткнутую в дверную обивку.

Ведьмина метка, классика жанра. Не знаю уж, когда и с какой именно целью ее сюда поместили: то ли хотели на меня небольшую порчу навести в профилактических целях, то ли это обыкновенный сигнальный маячок. Второе куда вероятнее. Порча – основа для предъявления претензий, а с местными ведьмами у меня вроде как мир, а не война. Ну да, некий конфликт случился, мы с ними неслабо схлестнулись позапрошлой весной, и я даже одну из них чуть не отправил под дерновое одеяльце, но по итогу ни я им ничего не должен, ни они мне. Ну, если не считать того, что одна из этих бесовок, белокурая и грудастая, вроде как была не против приятно провести со мною время. Имя ее, правда, я напрочь забыл.

– Родь, дай мне «огонек», – попросил я слугу. – Передам привет неизвестному адресату, пусть порадует, что его закладка сработала.

Травничество я не забросил, хоть с моей основной ведьмачей специализацией оно почти никак не пересекалось. Нравилось мне это дело, что скрывать. И не мне одному, если судить по новым записям, которые то и дело появлялись в книге. Но стоит заметить, что не все они несли в себе рецепты, как раньше, далеко не все. Все чаще стали возникать заметки, скажем так, на житейско-философские темы, которые мои предшественники когда-то оставляли для тех, кто при-

дет после них. Например, жил три века назад некий Леонтий, так он вообще с древними греками поспорить по части философствования мог. Насколько я понял, получив и подчинив себе силу, он сбежал от своего барина и отправился бродить по свету, обошел пол-Европы, грамоту и счет выучил, но нигде не нашел ни покоя, ни воли, потому в результате решил на белый свет плюнуть и свалить от всех куда подальше, в дикие края. В результате этот товарищ аж до Алтая добрался, тогда совсем неизведанного и заселенного джунгарами. Лет двадцать все было хорошо, но после туда пожаловал Демидов со товарищи, который, нарушив первоначальную тишину, начал вырубать леса и медь на пару с серебром добывать.

Так вот Леонтий этот под закат своих дней совсем философом стал, потому то и дело оставлял в книге заметки вроде: «Нынче созерцал гладь водную на закате, беседовал с хранителем озера, пытал его о том, что он зрит смыслом бытия своего. Ничего мне водяник на вопрос тот не ответил, только знай хвостом по воде бил да после карасей в корзину три десятка насыпал. Мыслю я, что он, нелюдь являясь, сам того не знает, потому обитает на бел-свете, что птица на ветке или же волчара в лесу. Он просто есть – и все тут. А кабы не было его, так ничего бы и не сменилось.

Или же нет? Может, нелюдь разная на свете есть для того, чтобы человеки поняли такую вещь: ежели они за разум не возьмутся, так сгинут восвояси, и те, кто их сменит на тверди

земной, уже тут есть и ждуть.

А караси зело крупны и вкусны. Особенно в жареном виде. Эхма, кабы сметанки к ним ишшо... Но нету!»

Ей-ей, жду записей этого чудака даже больше, чем новых рецептов. Они мне сериалы заменили.

Что же до «огонька» – хорошее зелье вышло. Эффективное. Я несколько пузырьков даже продал особо доверенным покупателям. Да-да, у меня теперь и такие есть. Говорю же – Родьку пойдй прокорми.

Делается оно на основе олеандра, дерева нередкого и в южных краях встречающегося очень часто. Вот только не каждый знает, что ядовит этот самый олеандр невероятно, и не приведи вам бог развести из него костерок, дабы погреться или картошечку испечь. Или, например, поставить ветки, которые невероятно красиво цветут, дома для украшения интерьера. Добром это не кончится в любом случае, и как минимум очень сильная головная боль вам гарантирована. А может, и чего похуже случиться, вплоть до летального исхода.

Ну а если в нужных пропорциях смешать его сок, собранный в первую неделю апреля при растущей луне, с несколькими другими травами, среди которых лидирует потенциально огнеопасный розмарин, а после шесть часов отварить получившуюся смесь, периодически произнося над ней необходимые заклятия, то получится дивное зелье, которое в разрезе пожароопасности с бензином поспорить может.

Плесни его, например, на дом всего-то в паре мест, а после запали – и все. Никакая вода то строение не потушит, и сгорит оно до самого основания.

А еще «огонек» чудно плавит незамысловатые ведьминские хендмейды вроде вот таких булавок. Мало того, их создательницы получают небольшой привет в виде внезапного головокружения и головных болей, которые ни одна таблетка часа три не купирует. Так что лети, весточка, к той, кто хотел знать больше других. Передай от меня поклон.

Булавка на секунду вспыхнула белым пламенем и с шипением расплавилась, оставив на дверной обшивке тонкий черный след.

– Вот как-то так, – довольно пробормотал я. – Теперь почти порядок, осталось только для особо непонятливых персональную вывеску на видное место определить.

Моя ладонь впечаталась в дверную обшивку, в ее верхнюю часть, а уже через секунду я с удовольствием смотрел на искрящуюся букву X расположенную поверх латинской буквы же V. Впрочем, может, это и не буква вовсе. Может, это римская цифра пять, говорящая о том, какой именно по счету я Александр среди ведьмаков, занимавших пост Ходящего близ Смерти. А может, это и вовсе метафорическое обозначение моего жизненного пути, символизирующее то, что я бреду между Жизнью и Смертью, и в какой-то момент эти два пути сольются в один. Просто хоть сколько-то внятного объяснения мне никто не предоставил, вот я и начал выду-

мывать, что есть что в моем личном ведьмачьем знаке.

Не соврал Слава Два, получил я его вскоре после того, как на кругу побывал и с братьями по роду у костра поплясал. Причем произошло это как-то буднично, незамысловато. Я тогда только-только из столицы свалил и на Крит прилетел, где в компании алкогольных коктейлей и скучающих дам средних лет потихоньку начал приходить в себя после безумной майской гонки за наследником Кашея. И вот в один прекрасный день вышел я из номера и ощутил вдруг, как правая ладонь зачесалась. Даже не зачесалась, а просто-таки зазудела, так, что спасу нет.

Ну, случись такое раньше, я бы, может, и внимания особо не обратил, сказал бы про себя: «К деньгам» – да и пошел себе на ужин, но то раньше. А теперь подобные вещи я без внимания не оставляю.

Верный ответ подсказал Родька, вернувшийся с прогулки по территории отеля. Ему отчего-то нравилось шастать в одиночку по кустам, забитым трескучими цикадами, по крайней мере он именно так обосновывал свои частые отлучки. Но я подозреваю, что он в основном ошивался на кухне отеля, где в непомерных количествах втихаря трескал кондитерские изделия, а также тырил у зазевавшихся туристов разнообразные мелочи вроде зажигалок и монеток. Последние, разумеется, не ради наживы и даже не ради спортивного интереса. Просто этот товарищ совершенно неожиданно подался в коллекционеры. А именно нумизматикой увлекся.

Я ему даже кляссер в Вене купил. Пусть его.

– Печать ставь, – выслушав меня, посоветовал он и куснул огромную грушу, которую держал в лапе.

– Чего ставь? – не понял я его сначала.

– Печать личную, – брызгая фруктовым соком, повторил слуга. – Точнее, знак. На дверь. Правой рукой. Так все мои прежние хозяева поступали. И то, давненько надо было и тебе это начать делать, ага. Нож в притолоке – оно хорошо, но печать нужна непременно. Обычные человеки ее не примечают, но те, кому надо, увидят и смекнут: в доме этом ведьмак обитает и лезть в него не стоит, коли голова дорога. А как мы отседова съедем, так она сама и пропадет.

Не скажу, что я прямо все из сказанного им понял, но основной посыл уловил, потому, недолго думая, приложил ладонь к двери и сразу же чуть не отскочил назад, поскольку на ней ярко вспыхнули описанные выше знаки.

– Красиво, – сообщила мне Жанна, стоящая рядом. Она всегда сопровождала меня в гостиничный ресторан, ей нравилась тамошняя сутолока. А еще она с удовольствием комментировала наряды, украшения и пластику лица дам, проживающих в отеле, причем иногда неожиданно тонко и иронично. Да и вообще, чем дальше, тем больше меня удивляла моя спутница, то и дело открываясь с новых сторон. – Мне нравится!

И мне нравилось то, что я видел. Немного печалило отсутствие возможности самостоятельно сгенерировать этот са-

мый знак, но его наличие в любом случае говорило о том, что я теперь полноправный ведьмак.

Вот с тех самых пор я, где бы ни останавливался на ночлег, непременно прикладывал правую ладонь к двери, как бы говоря всем, кто задумает навестить меня без спроса: «Лучше сообщите о себе. Здесь я хозяин». Ну а личная квартира является закрытой для остальных территорией в кубе. Или даже в какой-то более весомой степени.

Впрочем, нож я все равно сразу в притолоку вогнал, на автомате.

Если честно, думал, что дома встретит меня пылюга, затхлый запах и атмосфера запустения. Два года – длинный срок, а дома, что деревянные в деревнях, что квартиры в многоэтажках, не любят, когда в них никто не живет. Им нужно тепло, и я сейчас не о температуре тела говорю или кухонных плитках. Домам нужны человеческие эмоции и страсти всех рангов, так как они не терпят тишины и безлюдья. Когда в них бьется искорка жизни, они стоят на земле долго и прочно. И наоборот, опустев, дома очень быстро ветшают и рушатся, мало того, на пустое место может притащиться пожить кто угодно. И это почти наверняка будет не человек.

Побывал я в паре домов, которые бросили хозяева, и скажу честно: не хотелось бы подобный опыт повторять.

Кстати. В ближайшие дни надо непременно выбраться в Лозовку, провести Антипа. Надеюсь, он не слишком на меня зол за долгую отлучку и не станет снова бросаться утю-

гами. Да и других тамошних обитателей надо бы навестить, с поклоном и вежеством, как положено приличным ведьмакам.

А до того схожу засвидетельствую почтение Хозяину одного из кладбищ на окраине Москвы. Опять же, сувениры я ему привез. Один из Парижа, с Пер-Лашез, другой из Лондона, с Хайгейта, а также с еще доброй дюжины кладбищ, которые посетил во время вояжа. Надеюсь, он это оценит.

И еще – родители. К ним обязательно надо заскочить. Повидаться, подарки отдать, денег подбросить, просто поболтать.

Чистота в квартире стояла идеальная, такая, какой во времена моего в ней проживания сроду не водилось. Подъездные, похоже, чуть ли не каждый день ее мыли и терли. Почему они? Ну, во-первых, больше некому, а во-вторых, мне об этом рассказали мешок с бочонками лото и замусоленные карточки от него же, лежащие на столе. Эти ребята, судя по всему, в моей квартире устроили некое подобие закрытого клуба. Да и ладно, я не в претензии. Тем более что вроде бы им что-то такое даже разрешил.

– Ну, вот я и дома! – Жанна крутанулась вокруг себя, а после уселась в кресло.

– Проваливай оттуда! – Родька выскочил из рюкзака, причем настолько резво, что его содержимое частью оказалось в воздухе. В смысле, бумажная корреспонденция, мной туда положенная. – Это мое кресло!

– Да с чего бы? – И не подумала вставать девушка, напротив, вместо этого свернула фигу и показала ее моему слуге. А, нет, даже две фиги, как рефрен к его недавней выходке. Ну да, она злопамятная, не отнять. – Тут ничего такого не написано!

– Вон, видишь, матрасик лежит? И подушка? И одеяльце? Они – мои. Я тут сплю.

– И спи себе дальше. – Жанна закинула ногу на ногу. – Будем считать, что ты живешь в подвале, а я над тобой квартирую. Тем более что так и должно быть всегда – уродство прячется в тени, красота нежится на солнце.

– Это я – уродство? – Шерсть на Родьке встала дыбом. – Я? Да ты... Да тебя... Хозяин!!!!

– Здравствуй, Александр, – раздался у меня за спиной знакомый голос. – Смотрю, этот дармоед как был крикуном да бестолочью, так и остался?

– Вавила Силыч! – улыбнувшись, я повернулся к говорившему. – Привет! Ну да, ничего не меняется.

– Меняется, – подъездный, против моих ожиданий, был насторожен и даже насуплен. – Меняется. И, уж прости, не в лучшую сторону. Ты зачем же такое учудил, а?

– Чего учудил? – изумился я. – Ты о чем?

– Не о чем, а о ком, – короткий толстый палец Вавилы Силыча показал на Жанну. – О ней.

– Понятно! – я с облегчением выдохнул. – А я-то уж невесть что подумал!

Это правда, я на самом деле немного напрягся, увидев столь холодный прием. Подъездные – ребята не вредные и не агрессивные, но пребывать с ними в состоянии вражды лютому врагу не пожелаю. Возможность критично навредить внешнему или внутреннему агрессору их племени изначально не присуща, но зато они запросто могут превратить жизнь любого разумного существа в ад, осуществляя сотни мелких диверсий. Из крана у тебя вечно будет течь крутой кипяток, вода из унитаза уйдет навсегда, нажатие на любой из выключателей приведет к удару током, ну и так далее. И даже переезд не решит проблему, поскольку эти ребята общаются друг с другом, потому покоя ждать и на другом конце столицы не стоит. А может, даже в любом городе страны.

– Зачем мертвячку в дом приволок? – осведомился у меня подъездный. – Тут живые обитают, Александр, рядом с ними теньям делать нечего. Пусть по улице шлындает, раз ее за Кромкой видеть не желают.

– Скажи, Вавила Силыч, ты мне доверяешь? – Я сложил руки на груди. – Как есть скажи, честно. Да – да, нет – нет.

– Доверяю, – не задумываясь ответил он. – Чего ж не доверять? Слово свое ты всегда держишь, это факт, и парень ты незлой. Был таким, по крайней мере.

– Ну вот. И сейчас я, Александр Смолин, ведьмак, даю тебе свое слово в том, что вот эта девушка никому в нашем доме никаких проблем не создаст. Ни одному жильцу. Ни одному подъездному. Кошек и тех не тронет. Верно, Жанна?

– Да. – Моя неживая приятельница уже не полулежала в кресле, а сидела в нем, являя собой картину «первая ученица в классе». Ручки на колени положены, глазки застенчиво в пол смотрят. Чудо, а не призрак. Жаль, вывернутая шея все портит.

– А если вдруг получится так, что данное сейчас мной слово будет нарушено, то я на твоих глазах лично отправлю в Навь вот эту девицу. Несмотря на то что очень с ней дружен, все одно изничтожу. Ну а после мы решим, как жить дальше. Пусть общество решит. Захочет виру с меня взять – выплачу. Велит из дома съехать – съеду.

– Эва как, – губы подъездного тронула улыбка, было видно, что он немного отошел от изначальной настороженности. – Подожди-ка.

Он покинул комнату, как видно отправился советоваться с коллегами по работе на предмет, соглашаться на предложенные условия или нет.

– Правда убьешь? – тихонько вдруг спросила у меня Жанна.

– Правда, – кивнул я. – Если ты хоть раз жизнь человеческую возьмешь, то некую черту перейдешь, за которой ничего хорошего нет и быть не может. Той Жанны, что я знаю, просто не станет, она окончательно умрет. Помнишь, пару лет назад мы с тобой в зернохранилище призрачную пакость упокоили?

– Помню.

– Помнишь, что ты тогда у меня попросила? Так вот, и то мое обещание, и слово, что я Вавиле Силычу сейчас дал, по сути, две стороны одной монеты. Только ты вот что знай: надеюсь, до этого дело не дойдет. У нас есть какое-никакое, но общее прошлое, и переступать через него мне очень не хочется.

– Вот-вот, – добавил Родька. – Зря я, что ли, тогда на Сицилии, в катакомбах, своей башкой рисковал, когда тебя подмениш в ловушку загнал?

– Мохнатый! – всплеснула руками Жанна. – Да ты никак только что мне в любви объяснился? Обалдеть можно! Только ради этого стоило подвергнуться дискриминации со стороны домовых.

– Подъездные мы, нежить, – веско произнес вернувшийся в комнату Вавила Силыч. – Подъездные.

– Ну, так что? – я упер руки в бока и широко улыбнулся. – Согласно обчеству на то, что было предложено?

– Согласно, – кивнул подъездный. – Из уважения к тебе потерпим эту девицу в своем доме. Но и ты, нежить, блюди условия, ясно? По квартирам не шастай, детишек не пугай, ковы не чини!

– Чего не чини? – наморщила лобик Жанна. – Дедушка, я не слесарь и не сантехник. Я девушка, причем красивая. Я вообще не знаю, как чего чинить надо. Если у меня при жизни дома какая поломка случалась, то я специального человека вызывала.

– Ковы, бестолочь, – влез в разговор Родька. – Сиречь пакости какие. Вавила, да ты не сомневайся, она ничего, нигде и никогда. Да оно ей и не надо на самом-то деле. Ее главная цель – я. Она на свете этом задержалась лишь для того, чтобы мою жизнь сделать как можно горше. А кто другой ей неинтересен.

– Ну, если формальности закончены, то, может, мы с тобой наконец-то почеломкаемся? – предложил я подъездному и раскинул руки в стороны. – Как-никак не виделись сколько!

– А и то! – радостно тряхнул бородой тот. – С возвращением, Александр!

Ну, челомкаться, то есть лобызаться, мы не стали, разумеется. В старые времена, может, такое и казалось нормальным, но в наше время у той части населения, которая не стремится к всеобщей толерантности, подобные вольности не в чести. И я, и подъездный относимся именно к ней.

– Ладно, я по магазинам, – сообщила нам Жанна, которую, похоже, все-таки немного задели за условно живое речу Вавилы Силыча. – Посмотрю, кто круче – мы или Милан.

– По ценам точно мы, – заверил ее я. – Тут мы вообще впереди планеты всей.

– И не говори, – покивал подъездный. – Знаешь, как тарифы на ЖКХ задрали за то время, что ты по Европам шлялся? Ты, кстати, проверь, нет ли за тобой какой задолженности. Не ровен час электричество или воду отключат.

Жанна хихикнула, прошла на балкон, не открывая дверей, и «рыбкой» сиганула вниз.

– Видать, при жизни шалая девка была, – заметил подъездный. – Без царя в голове.

– Так и есть, – согласился с ним я, приглашая его пройти на кухню и прихватывая корреспонденцию. И правда, надо глянуть, что мне в ящик набросали. – Ну, какие новости? Как общество? Надеюсь, все хорошо? Или опять какой удавить мешает?

– Да вроде все благополучно, – степенно ответил Вавила Силыч, усаживаясь за стол. – По той весне было гуль один пытался в подвале у нас обосноваться, так мы его прогна-ли. Не надо нам таких соседей. ТСЖ с новым провайдером контракт заключило, так что у нас теперь аж сто каналов по телевизеру без антенны тарелочной глядеть можно. Подруга твоя, Марина, после Нового года аж три этажа вниз залила. Ванну поставила набираться, да с пьяных глаз и уснула. Вон пятна на потолке, видишь? Ее недомыслия и пьянства работа. Так-то мы тут все протерли тогда, и обоям не досталось, но потолок вот... Ей и стучали в дверь, и по телефону звонили, а она знай дрыхнет. До чего дошло – пришлось нам ее расталкивать. А это ведь нельзя! Тем более что она в газете работает, и не дура. Пьяная, пьяная, а глаз у нее алмаз. И память хоть куда.

– Не бери в голову, – успокоил его я, наливая чайник. – Она еще и мнительна, как все профессионально пьющие

женщины-репортеры. Маринка скорее к мозгоправу пойдет в таком случае, чем к главному редактору. Слушай, Вавила Силыч, ты извини, к чаю у меня ничего нет, мы же только из аэропорта. И чая, кстати, тоже, может, нет. Дай гляну в шкаф.

– Да не суетись ты, Александр, – успокоил меня подъездный. – Я ж не тот гость, что плохо о хозяине подумает, я ж с пониманием.

– Нет чая, – сообщил ему я, обревизовав содержимое шкафа. – Только кофе, но ты его, помню, не пьешь.

Ну да, точно. Я же сам перед отъездом в мусорку отправил почти все, что можно, и из холодильника, и из кухонных шкафов, включая чай и сахар. Последний не портится, конечно, но я его все же выбросил, памятуя историю, случившуюся с одной моей приятельницей. Она на полгода отбыла в Англию стажироваться в каком-то из их банков, а когда вернулась, обнаружила в кухонном шкафу колонию муравьев, избравших своим домом как раз ту самую оставленную ей пачку рафинада и почти полностью ее сожравших. В результате ей пришлось специальную службу вызывать для того, чтобы избавиться от незваных соседей. Локальные и кустарные методы с этими мелкими рыжими бесами, вскормленными на отборном сахаре, не работали.

– Да угомонись ты, – улыбнулся в бороду подъездный. – Трапезничал я уже. А коли тебе чайку хлебнуть охота, так давай я к той же Марине схожу, у нее пару-тройку пакетиков

позаимствую. Ничего плохого в том нет, не чужие вы с ней люди.

– Вавила, принимай гостинцы! – в кухню вошел Родька, наряженный как новогодняя елка и с цветастым полиэтиленовым пакетом в руках. Он и бейсболку оранжевую на себя напялил, ту, что мы ему в Осло купили, и темные зеркальные очки, которые спер в торговой галерее Палермо, за что был мной после крепко отруган, и закатанный в ламинат пропуск на Неделю высокой моды в Милане на грудь повесил. Мне его Жозефина добыла, с ее связями подобное несложно сделать. Ну а я его попросил, понятное дело, по просьбе Жанны. Она мне тогда так мозг выела с этой просьбой, что я ее чуть за Кромку не отправил, честное слово.

– Батюшки! – подъездный чуть с табурета не упал, глядя на это чудо в шерсти. – Ты что же так вырядился-то? Как есть басурман!

– Эх ты! – выпятил грудь вперед Родька. – Понимал бы чего! Сидите тут, за печкой, а мир он знаешь какой на самом деле? Он за твоим забором не кончается. Вот, к примеру, держи, это из городу Амстердаму магнит. Хошь – повесь на стену и любуйся! Вона какие мельницы нарисованы. Хошь – как открывалкой пользуйся. Удобно, разумно, красиво! Европа!

– А нам и тут хорошо, – взяв магнитик, ответил ему Вавила Силыч. – А диковины эти... За морем телушка полушка, да рупь перевоз. Вон Павлова со второго этажа в Туретчине

шубу купила и пару дней по приезду всем хвасталась, что такой, мол, тут нет, а если и есть, то по цене о-го-го какой. А на третий аккурат такую же в магазине одешном, что у метро стоит, и увидела.

– Поди, вдвое дешевле? – хмыкнул я.

– И даже больше. Так что ты, Родион, их дела да товары хвали, особенно если есть за что, да только свое не хай. Негоже это. И сними ты эти очки, как филин лесной в них смотришься, честное слово. Или страхолюд из фильма, что мы недавно смотрели. Сильно хороший фильм, Александр! Там мужик из железа мальчика шустрого спасает да мамку его, что на голову не сильно крепка. А вражина главный – он кисель, представляешь? Не ухватишь его! И вот такие же очки носит.

– Умеешь ты, Вавила, в каждый котелок плюнуть, – расстроился Родька. – Я ему вон мешок подарков привез, шоколад иностранный припер. Сам есть не стал, тебе отложил. А ты меня и обругал, и еще вон жидкостью какой-то поганой назвал!

Он сунул увесистый пакет подъездному в руки, бахнул очки о стол, да так, что те чуть не разбились, заложил лапы за спину и гордо-обиженно вышел из кухни.

– Нехорошо получилось, – расстроился Вавила Силыч. – Но так-то я прав? Верно же, Ляксандр?

– Прав, прав, – не удержался от улыбки я. – Да не бери в голову, он у меня отходчивый.

– Охти, добра сколько, – сунул нос в пакет подъездный. – На все общество гостинцев привез! Фонарики вон, вещь в наших делах первейшая! Пойду мириться, однако. А то нехорошо получается.

– Да он сам прибежит через минуту, – заверил его я. – Захочет узнать, понравилось тебе содержимое пакета или нет.

Я, кстати, тоже обществу кое-что прикупил, только мои подарки чуть позже придут, через пару дней, в компании с остальным нажитым имуществом.

– Нет, нет, не можно так, – засопел подъездный. – Пойду все же.

И он отправился в комнату, где Родька чем-то шуршал под своим креслом, а я достал сигареты и пошел на балкон. Курить я толком не курю, но иногда все же возникает желание употребить сигаретку. Жозефина, зараза такая, смолила их по пачке в день и меня приучила.

Надо же! А водитель такси так и сидит на лавочке у подъезда, как видно меня ждет. Ну, флаг ему в руки.

Балконная дверь за моей спиной скрипнула, и я, не оборачиваясь, спросил:

– Ну что, помирились?

– Мы и не ссорились, ведьмак, – прозвучал в ответ голос, который я сразу же узнал. – Пока не ссорились.

Глава третья

– Даже ночи ждать не стала? – Я щелкнул зажигалкой. – А как же зловещее «топ-топ-топ» в полумраке коридора и прочие спецэффекты?

– Ты слишком надолго пропал, Ходящий близ Смерти, – холодно сообщила мне Мара, подходя поближе. – Это очень неразумный поступок.

– Как поглядеть. – Я затынулся сигаретой и оперся локтем на балконный поручень. – Для тебя, может, и да, а для меня нет. Наследил я тогда в городе крепко, надо было спешно ноги уносить. В старые времена, может, никто на такие мелочи и не обратил бы внимания, человеком больше, человеком меньше, но то тогда, а то сейчас. Нет у меня желания свои юные годы за решеткой проводить.

– Наша госпожа была очень зла. – Мара покачала головой, льняные волосики, собранные в два хвостика и стянутые цветными резиночками, забавно мотнулись. – Ты подвел ее.

– Она мне не госпожа, – усмехнулся я. – Тебе – может быть, но не мне. Я готов оказывать Моране услуги определенного рода, я даже принял ее сторону, не зная всех раскладов, но и только. Союзничество и поклонение суть разные вещи. Слушай, а ты в школу пошла, что ли?

– Какую школу? – уставилась на меня чистыми голубыми

глазками Мара.

– Судя по твоему росту, в начальную, – предположил я. – И по наряду.

Дело в том, что на этот раз гостя с темной стороны бытия нацепила на себя белые гольфики, аккуратные сандалики, синюю юбку и синий же пиджачок с эмблемой на правом нагрудном кармане. Я такую уже не раз видел, с ней щеголяли ученики соседней с моим домом школы.

– Эта одежда мне понравилась, я стала ее носить, – пояснила Мара. – Красивая!

– Красивая, – согласился я. – Надеюсь, ни одна школьница при конфискации формы не пострадала? Сразу скажу – я этого не пойму. Сам детей сроду не трогал и тебе не позволю. За ними грехов покуда нет. Ну, разве что только уроки кто прогуляет, но подобное в зачет не идет.

– Я не гуль и не мавка, чад неразумных в свои сети не ловлю, – качнула головой Мара. – Если только мать их мне сама не отдаст.

– И такое бывает? – удивился я. – Однако!

– Умирать никто не хочет, – равнодушно пояснила гостья. – Мне – детская душа доброй волей, ей – пять-семь лишних лет жизни. Правда, такого торга давно уже у меня не случилось, уж и не помню сколько столетий. Забыли люди о том, что так можно себе немного жизни купить. И многое другое тоже запомняли.

Вот и очень хорошо, что широкие массы о подобном не в

курсе. Нравы чем дальше, тем больше склоняются не в лучшую сторону, моральные принципы тоже из моды один за другим выходят. Потому я железобетонно уверен: желающих заключить с мелкой пакостью, стоящей напротив меня, эдакую сделку найдется множество. Как бы это печально ни звучало.

– Ладно, частности. – Я стряхнул пепел с сигареты. – Ты передай своей хозяйке...

– Я ничего ей не могу передать, – перебила меня Мара. – Она снова задремала. Тебя не стало, потому туда, где она живет, вернулись темнота и тишина. А когда дома тихо и темно, что остается делать? Только спать.

– Может, оно к лучшему? – проворковал я вкрадчиво. – Пусть и дальше спит. Вот ты рассуди, малая, чем плохо? Она там одна-одинешенька живет, дом у нее покосился, мост сломан, за рекой Смородиной туман этот жуткий вечно ползает. Ты его видела? Жуть. Стивен Кинг и сыновья. Опять же, вай-фая нет, онлайн-кинотеатров, как следствие, тоже, доставка продуктов отсутствует. Разве это жизнь? Это же даже существованием не назовешь.

– Не тебе решать, ведьмак, каково бывать нашей госпоже, – резко заявила девчущка. – И не мне.

– Твоей, – поправил ее я.

– Что?

– Твоей госпоже. И вообще как-то свыкнись с мыслью о том, что я немного поменял приоритеты за прошедшее вре-

мя.

– Чего поменял?

– Приоритеты. Ну, кто сверху, кто снизу, кто сбоку, кто вообще не с нами.

– И с кем же я? – Мара раздвинула губы в улыбке, показав мне маленькие, но зато очень острые зубки.

– С кем ты – не знаю. А вот я тебе точно не враг. Более того, хочу вот что спросить: случись так, что мне понадобится твоя помощь, то ты откликнешься на зов? На возмездной основе, разумеется. В смысле, за все будет заплачено сполна. А то и с лихвой.

– За мной должок остался, так что приду.

– Не о долге речь, – покачал головой я и затушил сигарету в пепельнице, которая так и стояла тут, на балконе, с позатого года. – Раньше мы с тобой работали по инициативе, так сказать, сверху. Вернее, снизу, Навь ведь там, надо полагать. Цепочка другая: ты, я, а между нами Морана. Она давала добро на то, чтобы ты помогала мне. А сейчас я говорю о сотрудничестве без посредников. Зачем они нужны? Нет, случись что глобальное, затрагивающее интересы твоей госпожи, то все действия только с ее санкции. Но есть ведь штатные ситуации, типовые. Кого-то припугнуть, кого-то проучить. Ну, помнишь, как тогда? Но так, чтобы об этом знали только я и ты. Обещаю, расчет произведу честь по чести.

– Хваток ты стал, Ходящий, ой, хваток, – Мара облизала

губы розовым язычком. – Подметки на ходу режешь.

– Так если не успел, то, считай, опоздал, – в тон ей ответил я. – Время не ждет.

– Позови меня, коли нужда приспееет, – подумав, произнесла девчушка и снова прожужжала своей игрушкой. – Чаю, договоримся. А госпожу... Короче, ты в Навь все же навейся. Ждет она тебя. И не тьяни, слышь? Тот, кто прячется в тумане, покуда Смородину не пересек, но он ползает среди курганов и серых холмов, шипит, свивает кольца. И ждет, когда его слуга отыщет путь, ведущий к дому Мораны в обход моста.

– Ну, раз до сих пор не нашел, то, может, не судьба? – предположил я. – Этот некто в том тумане небось с невесть каких времен ползает, и все никак.

– Всему есть начало и конец, – льняные хвостики волос качнулись. – На том мир стоит. А ты помни самое главное – путь начинается не там, в Нави, а тут. Ты здесь, и тот, второй, тоже здесь. Он – как ты.

Это что-то новенькое. Выходит, слуга неведомой зверушки, что в тумане шарится, тоже, так сказать, местный? И, как я, из ведьмаков?

Может, речь идет о Дэне? Эта мелкая пакость сказала «ползает», потому речь с великой долей вероятности идет о змее. Возможно, даже Горыныче. Ну, я других в славянском фольклоре просто не знаю. А Дэн у нас как раз в серпентологии практикуется.

Ох, как скверно-то. Он хороший пацан, не хотелось бы с ним схлестнуться в драке. Да и змейка у него сильно непростая. Ну да, тогда, в котельной, она меня спасла, но, подозреваю, что при желании точно так же на тот свет отправит с легкостью. Хотя неувязки все же есть. Дэн – парень независимый до крайности, сомневаюсь, что он, как и я, станет перед кем-то шею гнуть. Фиг такого в слуги запишешь.

Нужно больше подробностей, теперь это уже не досадная неприятность, а насущная необходимость. Ибо если это все же не Дэн, а кто-то неизвестный, то он может вскорости пронюхать о возвращении слуги Мораны и начать его, то есть меня, искать. И не ровен час найдет прежде, чем я буду готов к этой встрече.

А я хочу быть к ней готовым до того. И остаться живым после.

– Стоп, вороны, – я выставил перед собой ладони. – С этого места поподробнее!

– Пойду, пожалуй. – Мара снова крутанула спиннер. – Не люблю днем шататься по миру, мне это доставляет неприятные ощущения.

– Да ладно! – поморщился я. – Так не поступают. Сказала «а», говори «б».

– Госпожа поведает остальное, – посоветовала мне малышка. – Она знает больше моего.

– Ладно, – вздохнул я. – А, вот еще что. Подарок-то забери!

– Какой подарок? – опешила Мара. – Мне?

– Ну а кому? – удивился я, открывая балконную дверь. – Мы друг другу не чужие, я за тридевять морей ездил, неужто без гостинца вернусь?

Вообще-то ту ерунду, что я экспромтно надумал отдать этой маленькой представительнице киноиндустрии ужасов, покупал себе Родька, но, думаю, он не обеднеет.

– Это чего же такое? – заинтересовалась Мара, разглядывая резиновую разноцветную пластину с бортиками и вдавленными в нее кругляшами.

– «Поп-ит», – пояснил я. – По-нашему – «пыкалка». Последний писк моды, между прочим. Вот, гляди. Медитативная штука, похлеще твоего спиннера.

Я показал ей, как действует модный нынче заменитель пузырчатых пакетов, и с удовольствием отметил, что Маре эта безделица на самом деле понравилась.

– Благодарствую, – играясь с новой забавой, произнесла Мара. – Но о моих словах не забывай.

– И рад бы, – вздохнул я. – Только уже не получится. Напрягла ты меня, подруга.

Похоже, что до меня никто это существо подругой не называл, именно поэтому она на секунду опешила, как-то странно на меня глянула, после неуверенно улыбнулась, помахала мне ладошкой и покинула балкон.

Причем в комнате, куда я отправился следом, ее не оказалось. Вот как они это делают, а? Я тоже так научиться хочу.

– Ну, Александр, – подъездный, сопя, выбрался из-за кресла. – Два года все спокойно было! Два года! Не успел ты вернуться, и на тебе, гости пожаловали, да такие, что после них спать спокойно не сможешь.

– Вавила Силыч, если по-честному, от сердца – ты по мне скучал?

– Ну, не то чтобы... – мой собеседник огладил бороду. – У меня дел-то по дому о-го-го. Но так – да, случилось, вспоминал.

– И она тоже. – Я подошел к нему поближе. – Вспоминала, иногда грустила. Почуяла, что вернулся, пришла узнать, как сам, поздорову ли, весел или хмур. Подарок вот забрала.

– Это моя штукавина была, – влез в нашу беседу Родька. – Моя! В городе Стокгольме купленная. Так что ты теперь, хозяин...

– Ступай унитаз намывать, – перебил его я. – Думаю, через денек-другой прочие мои друзья пожалуют в гости, не хочу опозориться.

– Так это... – вякнул было Вавила Силыч, но тут же умолк, смекнув, что к чему.

– Давай-давай, чего застыл? – упер руки в бока я. – Приступай к своим обязанностям, Родион. Тут обслуживания номеров нет, и приходящей уборщицы, как в Венгрии, тоже. Тряпку в зубы – и вперед! Мы дома, Родион. Отпуск кончился.

– Хозяин, мы же только приехали? – опешил от такого мо-

его коварства слуга. – Вот так сразу за работу? Не поевши, не поспавши? К тому же я другу своему самый главный подарок не вручил.

– А ну-ка! – заинтересовался Вавила Силыч, которому, как и Маре, похоже, никто и никогда из-за границы ничего не привозил. – Валяй вручай!

– О! – Родька невесть откуда извлек предмет, который с год назад выцыганил у меня в Лозанне. Я все еще гадал, зачем этому бездельнику столь полезная вещица. – Держи. Это, Вавила, мультитул! Пятнадцать разных предметов, ага! В стране Швейцарии приобретено, за огромные деньжищи!

– Ты меня совсем-то уж за тупня не считай, – попросил его подъездный, шустро раскрывая лезвия. – Чай, не лаптем щи хлебаем, знаем, что это за штука. Но сталь хороша, хороша! И отвертки есть обе. Эге, шило! Это дело!

– Во, – Родька, надуваясь от гордости, ткнул коготком в надпись на лезвии. – Свизерленд! Страна маленькая, размером с каку гули, и дорогая сильно, но вот такие штуки они делают на совесть. А еще часы. Хозяину один тамошний богатей такие подарил за дело, что тот для него спроворил. Но он их не носит, представляешь? Эдакую богатую штуку – и не носит.

– Не хочет, вот и не носит, – примирительно произнес Вавила Силыч, ковыряясь с мультитулом.

– И мне не отдает, – подытожил Родька.

– Тряпка – моющее средство – унитаз, – ткнул я пальцем

в сторону туалета, поймав его алчный взгляд.

– А нету средства, – на голубом глазу заявил Родион. – Откуда ему взяться? У нас вообще тут ничего нету, одна вода и та в кране. В магазин надо идти, хозяин.

И ведь прав он, собака мохнатая. Надо, хоть и неохота. Но не пиццу же заказывать, верно? Тем более что я ее столько съел за эти годы, что еще долго не захочу.

Но прежде надо родителям позвонить. Это важнее любой еды.

– Саш, так ты уже в Москве? – радостно уточнила мама, услышав мое «Все, я прилетел». – Вот хорошо-то! Просто мы как раз на дачу едем с отцом. И ты завтра к нам присоединяйся! А еще лучше – сегодня. Утро же на дворе!

Потерял я хватку, надо признать. Как же это я две простые вещи не связал – пятницу и май? Подставился, как есть подставился.

– Мам, ну только-только домой вошел, – понимая, что этим жалобным нытьем в трубку мою родительницу не пробьешь, все же попытался выбраться из ловушки я.

– И что? – с железобетонной интонацией осведомилась мама. – Можно подумать, что это многое меняет. Будь у тебя жена, дети – тогда да. Но ты-то как перекаати-поле? Какая разница, где время проводить – там, здесь? А тут вы с отцом хоть делом займетесь. Я вот в «ОБИ» перголы себе купила и надумала их...

Рассказ о том, какие новшества ждут наш многострадаль-

ный участок, затянулся минут на пять, и только после этого я пустил в ход последний козырь.

– Мам, у вас в ТСЖ на окраине проживает замечательный товарищ Хабиб с кучей родственников мужского пола, верно? И все это многочисленное семейство отлично заточено под копание, таскание, погрузку, а также иные работы, не требующие особой квалификации. Вот и привлеки их. А я все это дело профинансирую.

– Свою землю надо своими руками обихаживать, – назидательно-укоризненно произнесла мама. – Саша, это азы. Короче, завтра жду.

Я успел сказать: «Постараюсь», до того как она повесила трубку. Но случись разбирательство, это мне точно не поможет. Или я не знаю свою маму.

С другой стороны, а чего бы и не съездить, не порадовать глаз среднерусской природой, по которой я так соскучился? Опять же, можно навестить тамошнего лесовика.

Кстати!

Я притащил с кухни табуретку, залез на нее, пошарил рукой на антресоли и достал оттуда тряпицу, в которую был завернут отданный мне позапрошлой весной мандрагир. Тогда, два года назад, я было хотел его в Лозовке с остальными травами оставить под приглядом Антипа, но в последний момент передумал и обратно домой привез.

На самом деле я тогда не понял, насколько царский подарок мне Лесной Хозяин сделал. А вот после визитов на трав-

ные рынки Праги, Бремена и Неаполя оценил это в полной мере. Проводятся такие в Европе, правда, нечасто и всегда в особые дни. В Германии, например, такой шумит на окраинах небольших городков 29 мая, а в Испании в последнюю пятницу июля. И конечно, подобные даты выбраны не просто так. Они завязаны на ведьминские праздники. Эти дамочки частенько зелья разные перед большими шабашами варят, кто на красоту, кто на красноречивость, кто просто отраву для закадычной подруги.

Случайные люди, зеваки или домохозяйки на такой рынок попасть не могут, нечего им там делать. Да и покупать тоже. Те травы да коренья, что там в ходу, ни в одно семейное блюдо не положишь. У них другое предназначение.

Так вот мандрагир, даже совсем молоденький, двух-трех-годовалый, стоит невероятных денег. Причем даже не целый корень, а его обрезки, чуть ли не очистки. Дороже только золотой женьшень котируется, и то не всякий, не менее чем столетний.

А у меня вон какой здоровенный красавец хранится, в ладонь длиной.

Однако все как тогда лесовик и говорил: покоришневел корень, потерял схожесть с белой морковкой, которая имелась тогда, когда я его из земли выкопал. И запах от него идет теперь приятный, схожий с тем, который свойственен старым книгам. Эдакое благородство, смешанное с тайной.

Значит, готов корень к употреблению, чутка силу набрал.

Только шиш я его расхотать стану, по крайней мере на всякие безумства в стиле себя двухлетней давности. Пусть дальше лежит, копит мощь.

А вот лесовика поблагодарить, повторюсь, надо. Мне его за эдакую благодать конфетами да хлебом еще лет сто кормить надо. Еженедельно.

И все бы ничего, но одно мне настроение портит. Светка. Что, если она тоже там? Признаюсь честно, ни малейшего желания видеть и слышать ее я не испытываю. Если она приходила, значи, она меня за ту заварушку оправдала, после какой-то ерунды себе напридумывала и теперь опять затянет старую песню о главном.

Но если тогда я худо-бедно готов был ее слушать, хотя бы в память о нашем общем прошлом, то сегодня уже нет. Стерло настоящее это прошлое, как школьные карандашные каракули резиновый ластик. У меня вообще иногда возникает ощущение, что мое не столь далекое прошлое иногда выглядит так, будто это все и не со мной было. Ну, как если бы я посмотрел сериал, а через несколько лет попробовал вспомнить его содержание. Что-то в памяти осталось, что-то нет. Институт, банк, люди, лица, события – они все стали зыбкими, как утренний туман. Когда-то я вроде боялся человека по имени Силуянов. Никчемного человека, которому дали каплю власти, и он решил, что это дает ему право судить и милловать. Сегодня мне кажется диким, что я испытывал страх перед столь невзрачной особой. Позволял ему себя унижать,

даже бить.

Нонсенс.

Сейчас все закончилось бы, даже не начавшись. Сейчас я бы предоставил этому Силуянову один-единственный шанс на то, чтобы взяться за ум. И если бы он его не использовал, то дальше его жизнь пошла бы совсем не так, как он себе это представлял. Или просто закончилась.

Нет, и тогда все вышло неплохо, но я потратил на это массу лишних сил и времени, заключил сделку, которая была, очевидно, лишней, наделал кучу других глупостей. Извиняет меня только одно – я учился.

– Хозяин, – жалобно проныл Родька. – Я ку-ушать хочу!

– Как и всегда, – на автомате ответил я. – Ладно, сейчас схожу в магазин. Но не ради тебя, недоразумение ты эдакое. Просто вон с друзьями хочу посидеть повечерять. Вавила Силыч, обчество-то как, придет в гости?

– К хорошему соседу на ужин да беседу как не прийти? – степенно ответил подъездный. – С нашим удовольствием!

И еще надо фарша пару кило купить. Поужинаю и рвану на кладбище. Не хотел сегодня туда тащиться, но съезжу все же. Что-то перебаламутила меня Мара этими своими байками про туман, ползуна в нем и неведомого слугу. Беспокойство в душе пробудила. А если кто и сможет хоть как-то прояснить ситуацию, так только он, мой первый наставник в заупокойных делах. Ну и еще Морана, но ее пока я видеть не очень хочу. Она, по сути, не лучше Светки. Тоже сразу нач-

нет стыдить и что-то требовать, не имея на то ни малейших оснований.

И хорошо бы еще хоть пару-тройку часов вздремнуть успеть. Я не железный, в конце-то концов.

Что поразительно: все вышло, как хотел. И поспать удалось, причем, хвала всем богам, а особенно Моране, без снов, и за столом с подъездными посидеть. Недолго, правда, но зато душевно. Все новости узнал: и то, что трубы в подвале наконец-то поменяли, и то, что в том году переходящий приз московских подъездных за здание образцовой культуры быта уже в восьмой раз за этот век взяли работники «Дома на набережной», что вызвало у общественности нездоровые подозрения в некоей коррумпированности комиссии, за вручение оного отвечающей, и про потоп, что зимой Маринка устроила, снова послушал. Похоже, она на самом деле здорово соседей залила, потому что добрых слов в ее адрес совсем не прозвучало.

Еще узнал о том, что, оказывается, пару раз в мою квартиру пытались попасть какие-то люди, но всякий раз подъездные их спугивали, не давая довести дело до финала. Один из них, похоже, был обычный воришка, проведавший, что хозяин надолго уехал, и решивший в этой связи вынести квартиру. А вот двое других таковыми не являлись, они что-то другое в моих хоромы найти планировали. Что именно — непонятно, но тем не менее. Откуда такие предположения? Просто одного из них привезли на сильно дорогой машине,

что для обычных домушников нормой не является, а другой и вовсе оказался обратным. Кто-кто, а подъездные в таких вопросах никогда не промахиваются. Они на меня даже обиделись, когда я уточнил у них, нет ли тут какой ошибки.

Чудно это все. Где я и где оборотни? Да и друг другу на пятки мы с этим племенем никогда не наступали, ни до моего отъезда, ни после. Нет, в странствиях я свел знакомства с парой представителей этого вида, но все прошло чинно-благородно. Приятные ребята, с юмором.

Короче, навалилось на меня вопросов и загадок за полдня больше, чем нужно. И, что совсем скверно, большинство из них не то что ответов, но даже и намеков на оные не имеют. А это ведь я еще толком ни с кем пообщаться не успел – ни с Хозяином Кладбища, ни с братьями-ведьмаками, ни с Маринкой, ни с представителями отдела.

Впрочем, с кем с кем, а с ними хорошо бы и вовсе не встречаться больше в этой жизни. Мы тогда расстались полюбовно, вот только времени прошло немало, какие-то исходные могли и измениться.

Ну а Вика... Что Вика? Было и прошло. Да, признаться, ничего ведь и не было. Так, иллюзия. Иллюзия того, что, может, когда-нибудь...

А на деле – никогда. Она умная и это еще два года назад поняла, а мне пришлось поколесить по миру, чтобы до этой мысли дотумкать. По крайней мере, мне кажется, что все обстоит именно так. Ну, или я себя в этом убедил.

В районе одиннадцати вечера я покинул кухню, ставшую местом веселой гулянки, причем в самый подходящий для того момент, а именно, когда Родька начал задирать нос, намекая присутствующим на то, что они-то дальше околицы сроду не выходили, а вот он, матерый странник, мир повидал. Причем в качестве аргументации в ход пошли сувениры, монеты и те фотографии, что я на его телефон делал. И, надо признать, галерея вышла весьма почетная, все же в ней присутствовали такие композиции, как «Родька и Эйфелева башня», «Родька и корабль “Ваза”», «Родька и океанариум Барселоны».

Впрочем, должного почтения подъездные к отважному путешественнику не испытали, а уже на пороге я услышал, что они вроде как его валтузить начали, не сильно, но от души. Оно и не странно, обиженный до глубины души отсутствием зависти, мой слуга совсем уж зарвался и произнес пару фраз, за которые и я бы ему в пятак стукнул.

Что любопытно, таксист по-прежнему сидел на скамейке, несмотря на то что при прошлой нашей встрече я ему посоветовал проваливать куда подальше. Имеется в виду днем, когда я в магазин ходил.

Упорный какой! Ну, пускай, вольному воля. Тем более что кому-кому, а ему спешить точно некуда. Все его дела остались в прошлом, а настоящее представляет собой бесконечность, если не сказать – вечность.

А еще интересно, куда запропастилась Жанна? По идее,

давно ведь должна была вернуться. Ну пробежаться по магазинам. Ну подруг навестить, чтобы порадоваться тому, насколько у них все плохо, даже в том случае, если все хорошо. Было бы желание, а пятна на Солнце найти всегда можно. Ну, или морщины на лице и шее. А еще лучше – целлюлит на бедрах.

Странно прозвучит, но я к ней очень привязался. Так, как, пожалуй, за всю свою жизнь ни к одной живой девушке не привязывался. Может, потому что она у меня никогда ничего не требовала? Ни слов, ни клятвенных заверений в любви, ни гарантий, на которых строятся отношения между мужчиной и женщиной? И мне, в свою очередь, от нее ничего не нужно, если не считать кое-каких мелких услуг, связанных с проникновением в чужие дома и тайны.

А самое главное, живая душа всегда со мной рядом есть, как бы странно данное словосочетание ни звучало, особенно если учесть то, что оно относится к давно умершей девушке.

Да, у меня есть Родька. Он славный, несмотря на все свои недостатки, но Жанна – это совсем другое. Родька – это слуга. А Жанна – друг, который всегда рядом. Теперь, к слову, я прекрасно понимаю Дэна, которого постоянно сопровождает Марусенька. В свое время меня позабавила нежность, с которой он к этой змее относится, а вот сейчас я бы и не подумал улыбаться. Нет в том ничего потешного.

Если ведьмы или оборотни – существа коллективные, то мы, ведьмаки, по сути своей одиночки. К этому располагает

образ жизни. Каждый из нас есть вещь в себе, у каждого своя сфера интересов и область применения умений. Да, мы рады встречаем, когда те случаются, мы ощущаем нашу связь в ту единственную майскую ночь, когда, глядя на белый огонь, пляшем на стыке прошлого и будущего, обнявшись за плечи. В этот крайний миг мы – дружина, обреченная в давние времена на вечное существование. Так было, так есть и пребудет вовеки, пока жива ведьмачья сила.

Но и только. А все остальное время каждый из нас идет своим путем, только ему предназначенным, в нем нет места остальным. И представителям других фракций, обитающих под Луной, тоже. Казалось бы, мы все живем в Ночи, бродим одними путями, а вот поди же, не сложилось у меня с Маргит. Не одобрил ее брат-колдун то, чтобы его сестра, служащая Деве Озера, сошлась с ведьмаком, отдавшим свою судьбу Смерти.

Хотя у самого рыло даже не в пушку наверняка, а в такой щетине, которую не всякая бритва возьмет. Знаю я этих колдунов, с виду все они паиньки, а копни чуть поглубже, такое ползет – у!

И что уж говорить об обычных людях, тех, которые знать не знают, что городское фэнтези – это всего лишь лайт-версия реальных событий и что за входной дверью иногда ночью бродят такие существа, с которыми встречаться не рекомендовано никому.

К чему это все сказано? К тому, что таким, как я, только

с призраками и дружить. По крайней мере, с ними хоть полюдски пообщаться можно, не особо следя за словами и не думая о том, как бы чего лишнего не брякнуть.

– Вон там вот остановите, – сказал я водителю и почувствовал, как губы непроизвольно раздвигаются в улыбке при виде знакомой до боли ограды.

Все же первое кладбище – оно как первая любовь. Даже нет. Оно как детство. Сколько бы потом еще всякого-разного с тобой ни случилось, его не забудешь никогда и станешь возвращаться сюда снова и снова, чтобы снова почувствовать себя беззаботным и наивным, чтобы опять ощутить восторг открытия нового мира.

– Точно здесь? – уточнил усатый шофер и опасливо глянул на решетки, которые отделяли мир мертвых от мира живых, и пугающе непроглядный сумрак за ними. – А?

– Точно, точно, – успокоил я его, протягивая деньги. – Ну, вот не повезло мне, живу рядом с кладбищем. Зато тут квартиры недорогие.

– Э, брат, даром такую квартиру не надо, – шмыгнул горбатым носом водитель. – Страшно же!

– Не знаю. – Я открыл дверцу. – Привык. До свидания.

– Вах! – вложив в это высказывание все свои эмоции, водитель дал по газам, и такси, мигнув красными задними огоньками, исчезло в ночи.

Может, машину себе купить? На какую-нибудь недорогую, но приличную иномарку у меня деньги найдутся, осо-

бенно если не новую. Не придется всякий раз не пойми кому объяснять, чего это мне приспичило в ночь на кладбище тащиться. Да и вообще...

С другой стороны, хлопот сколько добавится. Это же ее оформлять придется, к нотариусу идти и в ГИБДД тоже. Права, кстати, у меня давным-давно просрочены, что тоже добавит хлопот. Место для парковки придется искать каждый раз, у дома-то не поставишь, там все расписано сто лет назад. Только попробуй свою машину поставить на чью-то точку – и все. Радуйся, если дело только исцарапанными боками закончится, считай, легко отделался.

Так что ну на фиг, по крайней мере сейчас. Вот огляжусь, пойму, что к чему в столице, а после можно будет вернуться к данным планам. А пока такси мне в помощь, тем более что, судя по количеству желтых и белых машин с привычной символикой на бортах, снующих по столичным улицам, так думает большая часть горожан.

Я прошел десяток метров от того места, где вылез из машины, и снова улыбнулся. Никуда лаз, ведущий на кладбище, не делся, где был, там и остался. Не заделали его за эти годы.

Глянув на тускло светящийся фонарь, я втянул в себя чуть влажный и оттого терпкий ночной воздух и полез через раздвинутые кем-то с нечеловеческой силой прутья ограды.

Глава четвертая

– Молодой человек, – почти сразу окликнул меня старческий голос. – Ой, как хорошо, что я вас встретила! Вы представляете, заблудилась тут. Деда своего пришла навещать и заблудилась. Вот до темноты тут пробродила, но выхода не нашла. Не будете ли вы столь любезны...

– Не буду, не сомневайся, – я иронично глянул на милейшего вида старушку, выбравшуюся из кустов на дорожку. – Новенькая? Недавно похоронили?

Опешившая бабулька кивнула головой, она не понимала, что происходит.

– Что Хозяин, у себя? – уточнил я. – Или по территории бродит?

Весна в этом году выдалась поздняя, про то мне подъездные поведали, так что мой наставник по кладбищенским делам наверняка совсем недавно вылез из своего склепа, того, в котором он зиму коротает. Не любит он холода. Не его это погода.

– У себя, – пискнула старушка. – А ты кто?

– Почетный завсегдатай сего славного места, – охотно ответил я. – Не надо паники, я не охотник за приведениями, скорее наоборот. Что до вас, почтеннейшая, – попытка была так себе. Ну что за наивный текст? Заблудилась, выхода не нашла... Дилетантство – и только. Тем более что всю эту фе-

ерическую чушь вы несли рядом с указателем. Видите? Ну-ка, что на нем написано?

– К выходу, – вздохнула бабулька.

– Именно. – Я заложил руки за спину и принял менторский вид. – Реализм. Реализм – вот что может дать вам шанс добиться желаемой цели. А с таким подходом вы в своих кустах до второго пришествия просидите, так ни разу за пределы кладбища и не выбравшись. Хотя, может, оно и к лучшему. Нечего вам там делать, уж поверьте.

– Есть, – неожиданно резко возразил мне призрак. – Есть что делать. Дочь, зараза такая, на похороны мои так и не пришла. Желаю ей в глаза глянуть. И спросить, чем же это я таким перед ней провинилась? Чем такое отношение к себе заслужила? Я же всю жизнь для нее... Ради нее!

– Аргумент, – признал я. – И не возразишь ничего, цель уважительная. Но, ради правды, если вы тут застряли, значит, что-то в этой самой жизни натворили. Был повод.

– Был, – кивнула старушка. – Совершила грех по молодости, натворила дел. Но за него я уже отстрадала свое, и к доченьке моей, стерве такой, он отношения никакого не имеет.

– Почему знать, – зябко передернул плечами я и застегнул молнию куртки. Май и сентябрь в Москве всегда славятся своими перепадами температур. Днем вроде тепло, а вечером чуть зазевался, гуляя в футболке, и все – с утра из носу потекло. – Ну и потом, почему сразу стерва? Может, ей заплохело оттого, что вы покинули этот мир? Может, она сей-

час в больнице лежит?

– Ага. Второй год, – раздухарилась старушка. – Ни разу так и не пришла на могилку. Ни цветочка не принесла. Ни конфетки.

– Нууу... Может, тоже померла? От расстройства? Потому и не приходит. А похоронили ее в другом месте, вот вы и не в курсе.

– Типун тебе на язык! – возмутилась бабка. – Чего мелешь-то?

– Это просто версии, – начал сердиться я. – Короче! Желаете выбраться на волю – изыскивайте варианты пореалистичнее.

– Послушайте, молодой человек, – старушка сменила гнев на милость и снова стала приторно-добренькой. – У вас наверняка ведь телефон есть, да? Давайте ей позвоним. Я же теперь изведусь вся после ваших слов.

– Можно и позвонить, – кивнул я, в очередной раз подумав о том, насколько просты и предсказуемы те, кто недавно стал призраком. Две-три нужных фразы – и они уже в моем кармане. – Только в этом мире ничего просто так не случается, мать. Потому ты сначала вот что...

Я замолчал, не закончив фразы. Нет-нет, никаких душевных переживаний насчет того, что сначала я старушку своими речами взбаламутил, а теперь хочу на обязательства развести, у меня не появилось. Да и откуда бы им взяться? Начнем с того, что она вообще-то первой хотела мое тело себе

подчинить, выведав обманом имя. Так что вопрос еще, кто из нас больший негодай.

Остановило меня другое соображение. Это не ничейная земля, где каждый может делать то, что ему заблагорассудится, здесь действуют законы местного Хозяина. И кто знает, как он отреагирует на то, что я выставил на отложенные обязательства одного из его подданных? А ну как он увидит в этом некий хитроумный замысел с моей стороны? Мол, я создаю на его кладбище собственную агентурную сеть?

Кто знает, какие мысли бродят под черным глухим капюшоном, надежно скрывающим от мира лицо этого существа? Или тем, что его заменяет?

– Так чего? – поторопила меня бабка. – Чего я тебе за звонок должна буду?

– Ничего. – Я достал из кармана смартфон и включил громкую связь. – Диктуй номер. И очень прошу, не ори, когда дочь ответит, все равно она тебя не услышит. А я женские вопли и визги класса «Оленька, доченька» не очень люблю.

– Полина, – переступая с ноги на ногу, поправила меня обитательница кладбища. – Полина ее зовут.

– Да хоть Серсея, – отмахнулся я. – Какая разница? Ну, будем звонить или нет? У меня дел еще хоть отбавляй, а ночи в мае короткие, не успел обернуться – уже светать начинается.

Дочка оказалась вполне себе жива. Да что там! Она отлично себя чувствовала, судя по бодрому голосу и тому энтузиазму, с которым мне было объяснено, кто я такой и что

со мной она лично сделала бы, находишься сейчас рядом. Должен заметить, что некоторые из перечисленных эротических пассажей даже меня, человека довольно опытного в сексуальном плане, впечатлили до глубины души.

И это я всего-то изобразил звонок не туда. А если бы я попробовал ей рассказать, что ее мать стоит со мной рядом, сложив ладони в умоляющем жесте? Как далеко могли бы зайти ее мечты?

Но, само собой, я подобной ерундой заниматься не собирался. И смысла в этом нет, так как никому никакого прока от эдакой правды не будет, да не получится ничего. Люди есть люди. В темноте они боятся увидеть тени умерших, а на свету отказываются верить в то, что они существуют.

Бабка плелась за мной еще аллеи три, то жалобно канюча, то ультимативно требуя продолжения банкета. Она, как видно, решила, что я для того сюда пришел, чтобы ее прихоти выполнять, и не собиралась сдаваться до того самого момента, пока я ее, подобно водителю, не обездвигил. Мало того, после сорвал несколько листочков обриеты, растущей рядом с одной из могил, и ей на грудь бросил.

Не люблю зануд и хапуг, а эта пожилая леди сразу к обеим категориям относится. Сделали тебе добро, причем безвозмездно, – так поблагодари и свали в туман. Особенно если видишь, что не простой человек на кладбище заглянул, с подвывертом. Но нет, ей надо вцепиться, как клещ, и тянуть из меня нервы на предельной мощности. Вот пусть помуча-

ется теперь, зараза старая.

Дело в том, что обриета, она же обриеция, растение вроде бы и простенькое, но с интересной особенностью – при правильной посадке на могиле оно почти любой призрак, особенно желающий зла живым, удержать может. Есть в этом растении такая сила, изначально то ли богами, то ли природой данная.

Люди, жившие в былые времена, это хорошо знали, потому на по-настоящему старых кладбищах обриета синим или красным ковриком буквально обтекает старинные саркофаги или же затягивает собой входы в позеленевшие от времени склепы. Живым – радость для глаз, мертвым с недобрыми помыслами – преграда.

Ну а на новых кладбищах, что городских, что сельских, этот цветок, равно как ирис или маргаритку, сажают по привычке, забыв о его изначальном, истинном предназначении. Глаз радуется, ухода особого не требует – чего нет? Вот только растет он все больше по бокам от могил, функцию свою основную при этом не выполняя.

Бабулька завращала глазами, силясь встать, но ничего у нее не получилось. И в ближайшие сутки не получится, даже когда спадет мое незамысловатое заклятие. Оно бы лучше даже побольше, но листочков на это не хватит, следующей ночью станут они трухой, а старушка получит свободу. Вот цветы ее денька на три связали бы, не меньше. Это вам не роза, незамысловатые цветочки обриеты вянут медленно.

Только вот рано пока, они только в конце мая появятся.

Три дня на солнце и для живого человека о-го-го какое испытание. А уж для призрака... Нет, его не мучает жажда и голод, его не слепят лучи, но день – не время для мертвых. Их стихия – ночь. И она же среда их обитания.

Чем ближе я подходил к резиденции местного повелителя, тем больше неупокоенных душ встречалось мне на тропинках, дорожках и аллеях. Причем некоторые из них мне кланялись, чего раньше не происходило. Как видно, чуяли они некие перемены, во мне произошедшие, в том числе и те, о которых я сам пока понятия не имел. Или не хотел об этом думать.

Мой старый знакомец на этот раз не бродил по кладбищу с ревизиями, он занимался своим привычным и, как мне кажется, любимым делом, а именно творил суд и расправу.

– Много себе стал позволять! – услышал я его голос еще с аллеи, ведущей к холму-резиденции. – Днем выбираешься из могилы, словно какой-то свежее испеченный покойник, шастаешь по территории, пугаешь посетителей. А по какому праву? Я тебе это разрешал делать?

– Нет, – подал голос обвиняемый.

– Нет, – рыкнул Хозяин Кладбища. – Вот именно, что нет! Есть строгие правила, их надо соблюдать. Все, надоед! Ступай к себе и жди моего решения. Думать стану, куда тебя определить – лет на сто в землю или же...

– Не надо «или»! – взмолился тот, кто вывел повелителя

из себя. – Не надо! Лучше в землю!

– Что? – от этого вроде бы тихо произнесенного вопроса у меня по коже мурашки проползли. – Ты мне еще свои пожелания высказывать станешь?

– Я нет... Я ушел. Нет меня!

Секундой позже мимо меня проскользнула тень, в которой я опознал своего старого знакомца в затрапезном сюртуке и кальсонах, того, что когда-то меня и Нифонтова к Костяному Царю сопровождал. Достукался-таки шулер, подвела его склонность к авантюризму под монастырь.

– Ох ты! – рокотнул голос умруна, рядом с которым ужом вился невзрачный призрак из числа тех, кто мне не так давно кланялся на аллеях. – Да что ты говоришь? Гости у нас, значит? Ну-ка, ну-ка? Эй, ведьмак, ты где там прячешься? Подходи поближе, давно ведь не виделись.

– Вовсе и не прячусь, – подал голос я, проходя мимо расступившихся передо мной теней. – С чего бы? Вот сегодня вернулся в город, сразу же по приезду отправился к тебе, дабы засвидетельствовать почтение.

Раньше мы с этим существом были на «вы», но теперь мне показалось более разумным перейти с ним на «ты». И это не смесь хамства с зазнайством, как могло бы показаться со стороны некоему суровому критику. Нет. Подобный шаг характеризует изменения наших взаимоотношений. Раньше он был наставник, пусть это и не оглашалось вслух, а я ученик. Теперь ситуация изменилась, мы стали если и не равны, то

как минимум равноправны.

На самом деле в этом мире подобные нюансы очень важны. Если в офисе или, к примеру, на предприятии все определяет штатное расписание, должностные инструкции и личная приближенность к телу руководства, то здесь, под Луной, рамки «кто выше, кто ниже» более размыты. Все зависит от тебя самого. Как ты себя заявишь окружающим, так к тебе и будут относиться. Хоть властелином мира себя назови. Но знай – сказанное будет услышано и запомнено. И следовательно, будь готов к тому, что раньше или позже кто-то захочет проверить, правда это или нет. И если ты не сможешь подтвердить слово делом, то умрешь. Коли повезет – легко и быстро.

Сегодня я обратился к Хозяину Кладбища так, будто мы ровня друг другу, и не сомневаюсь, что он это отметил и запомнил. Раньше или позже мне будет предъявлен счет за подобную вольность, и от того, смогу ли я его оплатить, зависят наши будущие отношения.

Конечно, куда проще было бы жить так, как и раньше, но подобный путь никуда не ведет. А я хочу большего, чем имею сейчас, значит, надо раз за разом делать шаги вперед. По-другому никак не получится.

– Заматерел, – оглядев меня, не дошедшего до плиты-трона всего пару шагов, проворчал умрун. – Не внешне, душой. Что, поломали тебя дальние пути-дороги?

– Не то чтобы... – Я скинул рюкзак с плеч. – Хотя всякое

случалось.

– А еще кровь на тебе чую, – продолжил Костяной Царь. – Убивал, стало быть?

– Бывало, – подтвердил я. – Мир за оградой, с тех пор как ты его покинул навсегда, добрее не стал.

Ну да, убивал, чего скрывать? Жизнь штука такая – либо ты, либо тебя, потому есть на моих руках упомянутая кровь. И мне не стыдно за сделанное ни капельки. Да и с чего бы? Что чернокожие вудуисты из Парижа, что жрецы – хранители тайн пражских подземелий, что чокнутые парни из Бухареста с татуировками дракона на правом плече ничего хорошего мне не желали. Напротив, они хотели меня сожрать, принести в жертву или запытать до смерти. А я, разумеется, ничего такого для себя не желал, потому выбор был крайне несложным. Какой? Пусть они умрут сегодня, а я завтра. А еще лучше – лет через сто.

– В этом даже не сомневаюсь, – мрачно подтвердил умрун. – Более того, склонен думать, что он стал куда хуже, чем раньше. Такие, знаешь ли, экземпляры ко мне иногда попадают, что начинаешь задумываться о том, что живые окончательно обезумели.

– Да и прах с ними всеми. – Я достал из рюкзака матерчатый мешок и, приблизившись к умруну, протянул его ему. – Вот привез тебе подарок из-за семи морей. Надеюсь, угодил.

– А ну-ка, – проворчал тот и запустил лапу в мешок. – Что здесь?

Уже через пару минут мне стало ясно – угодил. Точно угодил. Костяной Царь один за другим вскрывал небольшие узелки с могильной землей из разных уголков Европы, растирал ее своими нечеловечески длинными пальцами, а после то и дело подносил их к капюшону, к той точке, где у мертвых, как правило, находится нос.

Вот интересно, откуда Генриетта знала, что стоит подарить этому существу? Перед расставанием, о котором я догадывался, а она почти наверняка знала, мы отправились в Лозанну, где провели прекрасную неделю, полную безделья и любовных утех. Так вот, там я поделился с ней своими измышлениями на данный счет и получил ответ, результат которого сейчас созерцаю. Нет, о возвращении домой тогда речь не шла, просто мы с ней говорили на самые разные темы, и всякий раз я поражался тому, насколько много моя новая любовница знает о том, что творится и творилось под Луной. Я не успел сказать, что не знаю, каким заграничным подарком можно порадовать Хозяина Кладбища, а она уже ответила – землей с разных кладбищ. Желательно старых, таких, которые помнят Темные Века.

Вот как так? Откуда она это знала? Без понятия. Как, собственно, для меня осталось загадкой и то, кто Генриетта вообще такая есть. Когда мы встретились с ней впервые, то я принял ее за ведьму, по всем ухваткам она принадлежала к этому племени. Но тем же вечером я понял, что все не так. Наоборот, она как раз охотилась на одну немецкую ведьму,

которая что-то там украла у ее брата. Брат, насколько я понял, тоже был из наших, и он махнул на произошедшее рукой, дескать, пропади ты пропадом, пусть тебя жизнь накажет.

Не знаю точно, что именно двигало Генриеттой – то ли так сильно родственника своего любила, что не собиралась спускать его обиду нахальной ведьме ни при каких условиях, то ли просто решила развлечься охотой, но факт остается фактом – она гоняла оступившуюся ведьму по всей Западной Европе, пока наконец не настигла в Праге, где в результате и выпотрошила на дальней окраине города, посреди развалин какого-то то ли замка, то ли просто большого старого дома. В буквальном смысле выпотрошила. Причем на моих глазах. Ну, вот так вышло, что я оказался замешан в это страшненькое и кровавое дело.

После я думал, что она чародейка, но и это оказалось неправдой. Умей она какие-то магические штуки-дрюки, не натерпелся бы я страха в подземельях Старого города. Впрочем, дырку в боку, что я там заработал, она мне залечила на редкость умело и качественно, шрам почти не виден. Но это была не магия, а что-то другое. Что именно – понятия не имею.

Так что Генриетта осталась одной из немногих неразгаданных загадок, что попались мне на долгом пути из Москвы в Москву. И если совсем честно, я рад, что наш роман состоялся. Но еще больше рад тому, что он оказался недолгим.

А лучше всего то, что мы расстались с ней друзьями. Потому что кого-кого, а ее своим врагом я точно не хотел бы видеть. Уверен, что сто человек из ста назовут эту трогательную, всегда чуть сонную девушку с голубыми глазами, наивно распахнутыми навстречу миру, безобиднейшим существом. И это будет огромная ошибка. Фатальная. И возможно, для кого-то последняя. Лично я предпочту по новой сцепиться с Кашеевичем, чем с ней. Так шансов уцелеть больше.

– Порадовал, – проурчал Хозяин Кладбища, собирая узелки в мешок. – Ой, порадовал, ведьмак!

– Старался, – застенчиво ответил я. – Для милого дружка и сережку из ушка! Ну, в хорошем смысле, разумеется.

– А в каком еще?

– Ну, по нынешним временам даже в безобидных поговорках можно найти второе дно.

У меня за спиной раздалось несколько смешков, кто-то из недавних покойников уловил смысл сказанного.

– Не понимаю я тебя иногда, ведьмак, – отмахнулся умрун. – Может, оно и к лучшему.

– Определенно, – подтвердил я. – А как вообще дела? Никто больше не тревожил покой твоих владений? Телевизионщики, журналисты?

– Приходят иногда разные, – филином ухнул Костяной Царь. – Какие целы остаются, потому как днем бродят. Ну а какие ночью норовят наведаться, с этими по-разному случается.

– Всегда был уверен в том, что погоня за сенсациями до добра никогда никого не доводит, – усмехнулся я. – И вот оказался прав.

– Иные даже до меня добрались, – в голосе умруна мне послышалась недобрая ирония. – Представляешь? Правда, эти не из зевак, эти знали, к кому и зачем идут.

– И зачем же? – насторожился я.

– Верно мыслишь, ведьмак. – Хозяин Кладбища, несомненно, получал удовольствие от происходящего. – Тобой они интересовались.

– Ишь ты. Чего узнать хотели, если не секрет? И, сразу уж, чтобы не тянуть, – кто «они»?

– Где ты есть, хотели выведать, – ответил умрун. – Отчего-то полагали, что я более других знаю. Называли меня твоим наставником, дуралеи. Какой ты мне ученик? С чего бы? Только не хватало.

Ну а я что говорил? Не прозевал он тыканье.

– Я никому и никогда не рассказывал о наших встречах и тех беседах, что мы вели. Но случись подобное, то слово «наставник» или «мастер» по отношению к тебе подошло бы лучше других.

– Тем летом ко мне ведьма заявила, – помолчав, произнес умрун. – Из молодых да ранних, стелет мягко, а ткни пальцем – на стальные шипы наткнешься. Сказала, что вы приятели давние, очень она за тебя волнуется, так как весточек давно нет.

Ведьма? Интересно, которая из? Та, с которой мы пиявца убивали, или другая, которую я чуть не прибил?

– Не люблю ведьм, – продолжал тем временем мерно бубнить умрун. – Отпустил ее живой, но велел больше в мои владения не соваться. Ну и припугнул маленько. Вроде дошли до ее нутра мои слова. Так бежала к выходу, что чуть ноги не переломала.

– А еще кто приходил?

– Еще кто? – Будь передо мной человек, я бы сказал, что он замялся. И это удивительно, ничего подобного до этого момента мне видеть не приходилось. – Тот, другой, куда раньше ведьмы заявился, всего месяца через полтора после того, как ты отбыл в Европы. И скажу так, не рад я был этого гостя на своем кладбище видеть. Сильно не рад. И вот что еще, не знаю, с какой стати твоей особой Черный Карл заинтересовался, но если ты с ним дела какие-то затеял вести, то это очень и очень плохое решение. Лучше бы тебе от него подальше держаться.

– С кем? – опешил я. – Впервые о таком слышу. Нет, правда. Это кто вообще такой? И отчего с ним лучше не связываться?

– Вроде не врешь, – умрун повел капюшоном слева направо. – Хм. Совсем странно. Если ты с ним незнаком и ничего ему не должен, так с какой стати ему твоя персона понадобилась?

– И все-таки, – решил понастырничать я. – Кто этот Чер-

ный Карл?

– Да я и сам не знаю, – признался Костяной Царь. – Кто он, что он... Одно мне ведомо точно: мало кто открыто решится встать у него на пути. А те, кто отваживался на такой поступок, раньше или позже находили свою смерть. Причем всякий раз все выглядит так, будто он и ни при чем. Заметь, я сейчас не только о смертных речь веду. У этого скряги врагов хватает и среди нашего брата.

– Скряги?

– Он славится тем, что жаден безмерно до золота, побрякушек и прочей дребедени. Не то чтобы за копейку удавится, нет. Но, скажем, если тебе придется с ним делить добычу, то можешь быть уверен в том, что он сначала попробует забрать себе все, а если не получится, то всякими правдами и неправдами отдать тебе меньше договоренного. И еще одно: он к долгам щепетильно относится, и своим, и чужим. Вот я и подумал, когда он ко мне заявился, что ты сдуру с ним какое-то дельце провернул, да с добычей и улизнул в чужие страны.

– Повторю, что уже говорил, – понятия не имею, о ком идет речь. Хотя... Как он выглядит-то? Сделок ни с кем незнакомым я точно не заключал, но мало ли? Может, пообщался с этим Карлом о чем-то, да и забыл про это?

– Да никак он не выглядит, – отмахнулся Хозяин Кладбища. – Обычный старик, у меня таких каждую неделю по десятку хоронят. Но, думаю, не встречал ты его. Нет, не встре-

чал. Поверь, запомнил бы.

– Ну, может, еще встречу.

– Ко мне весточка приходила, что он в то же лето, о котором я речь вел, из столицы съехал, – умрун поцокал когтями по черной гранитной плите, на которой сидел. – Что-то с судными дьяками не поделил. Эти-то на него зуб давно точат, еще с тех времен, когда царь-батюшка правил. Не любят они, когда что-то не по-их идет, а Карл – мастер на такие плутни, когда все выходит так, как ему нужно.

– Конфликт интересов, – понимающе кивнул я.

– Он самый, – подтвердил Костяной Царь. – А мой совет, парень, ты запомни. Если доведется с Карлом столкнуться, не верь ни единому его слову. И ни в коем случае не заключай с ним никаких сделок. Поверь, как бы все привлекательно ни выглядело, ты все равно окажешься в убытке. Не случится по-другому. Никогда.

Прямо демоническая особа этот Черный Карл. И очень неоднозначная. Ну, сами посудите: если его опасается тот, кто являет собой живое воплощение страха, то это точно нерядовая личность.

Одно непонятно: я Карлу тому за каким чертом сдался?

– Да я вообще ни с кем ни о чем договариваться не планирую, – заверил я умруна. – Хватит с меня приключений. Покоя желаю. В городе сейчас все дела закончу и до осени отбуду в деревню. Там тишина, лес, речка, грибы, ягоды...

– Долг отдашь – и отбивай, – очень серьезно произнес со-

беседник. – Но не раньше.

– Долг? – снова опешил я. – Какой? Перед кем?

– Числится за тобой такой. Не передо мной, но перед моим братом. Он тебе два года назад помог, а ты за то обещал его пожелание выполнить, буде таковое возникнет. Вот возникло, причем давно, о чем он меня и уведомил, зная о том, что ты на мой погост частенько заходишь.

– Было, – признал я, вспомнив визит на одно из центральных кладбищ и тамошнего Хозяина, куда более опасного и величественного, чем тот, который сейчас сидел передо мной. – Согласен.

– Не тяни, – велел мне умрун. – Претензий со стороны моего брата за то, что ты с возвратом долга тянул, можешь не опасаться. Раз тебя в наших краях не было, какие тут обиды? Но теперь ты здесь, так что давай ступай к нему, обещанное выполняй. Я за тебя поручился, так что не подведи.

– Ого! – присвистнул я. – Твое доверие – честь для меня!

– Но-но, – погрозил мне пальцем Костяной Царь. – Ты всего лишь смертный, потому не обольщайся и не строй иллюзии. Твое существование для меня лишь миг. Вот ты есть, и вот тебя нет. А я буду править тут вечность. Ну, или чуть поменьше. Но всяко дольше, чем ты живешь.

– И не поспоришь, – вздохнул я. – Ну а что до твоего коллеги по цеху, конечно, схожу к нему. Не обещаю, что прямо завтра, но днями – точно. Вдруг он такой же стяжатель, как этот твой Черный Карл?

– Черный Карл не мой, – возразил мне умрун. – Он вообще ничей. И лучше бы тебе его не поминать лишний раз. Не надо.

– Ладно, – согласился я. – Тогда можно другой вопрос? Просто мне больше спросить не у кого.

– Попробуй, – разрешил мне Костяной Царь. – Но за то, что ты получишь ответ, не поручусь.

– Скажи, а кто живет в Нави?

– В Нави? – Хозяин Кладбища призадумался. – Никто там не живет, насколько мне известно. Да и не ко мне с такими разговорами стоит приходиться. Навь, Явь, старые боги – это было до меня. Причем задолго. Когда я стал тут править, правда о тех временах успела стать сначала легендой, в которую верили не все, а после сказкой, в которую уже вообще никто не верил. Разве что дети, но какой с них спрос? Дети же...

– Это понятно. – Я хлопнул себя руками по плечам. Однако все же зябковаты нынче ночи. Надо будет на дачу к родителям куртку поплотнее с собой захватить. Мало ли куда меня вечерней порой понесет? – Но что-то же ты слышал?

– Так, обрывки тех самых легенд, – умрун жестом дал мне понять, что наш текущий разговор лишен всякого смысла. – О реке, которую не всякому дано преодолеть, о туманах, которые поглотят любого, будь он человек, нелюдь или нежить, о курганах, в которых можно найти все, включая смысл жизни, о том, что там, в Нави, спят боги, которых все забыли.

Не скажу, что я расцениваю эти рассказы как выдумку. Нет. Но и на веру в полной мере подобное принять нельзя.

– Туманы, – повторил я. – Интересно. А ты не слышал, случайно, кто в этих туманах живет, а? Просто...

– Светать скоро начнет, – оборвал меня Хозяин Кладбища. – Ночи нынче коротки, Ходящий близ Смерти, потому перенесем-ка мы эту беседу на потом. Ясно?

– Ясно, – улыбнулся я, поняв, что не хочет мой друг продолжать разговор о Нави, хотя знать что-то знает. – Тогда пойду по аллеям погуляю.

– Погуляй, – разрешил умрун. – И не забудь про долг! Я как-никак за тебя поручился.

Глава пятая

– Я же говорю – цены у нас ниже, – сообщила мне Жанна. – Не везде, но в ряде мест.

Девушка вольготно расположилась в кресле, причем теперь она делала это на законных основаниях, отстояв его во второй, решающей битве с Родькой. Сам я при данном эпохальном событии не присутствовал, так как Жанна вернулась домой уже после моего отъезда на кладбище, но сам факт того, что мой слуга недовольно ворчал, глядя на девушку, при этом не предпринимая никаких попыток спихнуть ее с предмета мебелировки, обо всем красноречиво свидетельствовал.

Собственно, так всегда и получалось. Ни разу еще Родька не выигрывал в длительном противостоянии с Жанной, всякий раз она брала над ним верх. Где упорством, где хитростью, а где и шутивым словцом. Родькина слабость в том, что он очень серьезно к себе относится, потому любая колкость, на которую он не в состоянии ответить, моментально выводит его из равновесия. Жанна же крайне остра на язык и в нужные моменты легко оборачивает слабость Родьки в свою пользу, заставляя того отступать с занятых позиций. После мой слуга всегда пару дней бесится, ворчит, кряхтит, называет девушку-призрака «нежитью холодной» и «мертвятиной», но при этом поражение свое признает, закрепляя

право Жанны на то, что выступало предметом спора.

Вот и сейчас, разбирая коробки с имуществом, которое с полчаса назад доставили служащие DHL, Родион мрачно бубнит себе под нос какие-то ругательства, всем своим видом давая нам понять, насколько он недоволен происходящим.

– А где сковорода? – уперев руки в бока, уставился слуга на меня своими глазами-пуговками. – Сковорода где, хозяин? Та, которую я в Гамбурге купил?

– Во-первых, не купил, а выпросил, – поправил его я, вскрывая очередную коробку. – Во-вторых, понятия не имею. И в-третьих, лучше меня не зли, Родион. Я, если ты не заметил, спал всего три часа, а потому...

– Сам куда-то убрал, – перебил меня Родька. – В смысле, я убрал. Паковались-то в спешке, вот и... Короче, найдется сковородка. Куда она денется?

– А вдруг она там осталась, в доме? – ехидно поддела его Жанна, перекинув призрачные ножки через подлокотник кресла. – Лежит себе в шкафчике, думает: «Где же мой Роденька? Где же мой мохнатенький?» Грустно ей. Одиноко. А потом как придет какая-нибудь тетка, как схватит ее за ручку, кааааак ножом начнет царапать по антипригарному покрытию!

– Хозяин! – заорал Родька в голос. – Ну скажи ей!

– И откуда у меня такая хреновина? – задумчиво произнес я, вынув из коробки тяжеленный старинный медный компас.

По сути своей он, похоже, являлся карманным, но не представляю себе карман, который он не оттянет. Или не оторвет. – Никто не помнит?

– Я – нет, – тут же откликнулась Жанна. – Эй, муфта на ножках, ты не знаешь?

– Ненавижу тебя, зараза прозрачная, – буркнул Родька, поняв, что я в их свару не полезу. – Тьфу!

Надо же, как человек может обрести имуществом за довольно короткий срок. Что я там прожил, в Венгрии? Меньше года. А до того вообще странствовал по миру с одним-единственным чемоданом и рюкзаком за плечами. Однако же вот сколько хлама скопилось. Ладно травы, оборудование для варки зелий, книги, купленные на букинистических развалах Берлина и Праги, прочие полезные профессиональные мелочи. Но одежды-то откуда столько? И главное, зачем мне она в таких количествах?

Все Жозефина виновата. «Алекс, купи то», «Алекс, я дарю тебе вот эту сорочку, она замечательно оттеняет твои глаза. И эти три тоже», «Погляди на плащ? Он тебе дивно идет. Мы его берем».

– Все в шкаф не влезет, – скептически заявила Жанна. – Нет-нет, даже не пытайся. Саша, тебе нужен новый, без вариантов. Купе. Если сейчас заказать, то в понедельник уже привезут.

И эта туда же, а? Верно Родька сказал. Тьфу!

– И это... – слуга шмыгнул носом. – Надо бы интернет

проплатить. Не работает же.

– Перебьешься. – Я бросил компас на кровать и пнул пустую коробку ногой. – Интернет-зависимость не лечится, так что без Сети поживешь пока.

– Ну, хозяин, – засуетился Родька. – Ну как же так? Я же не о себе думаю, а о тебе. Вдруг надо будет какие травы заказать или еще чего? А интернета нету!

– Да не убивайся ты так. У меня он в телефоне есть, – успокоил его я под злорадный смех Жанны. – Так что все нормально.

– Нууу... – задумался слуга, отыскивая иные приемлемые аргументы. – А вот ежели, к примеру...

– Родь, тут не проплачивать надо, – осек я его. – Тут, может, придется по новой с провайдером договор заключать. На это нужно время, а его у меня не то чтобы много, я еще хочу сегодня до родителей добраться. Да и желание с кем-то посторонним общаться у меня отсутствует. И потом, сразу после того, как я вернусь, мы все вместе и дружно отправимся в Лозовку, к Антипу. Если ты не забыл, то он два года там один кукует.

– Вот за кого за кого, а за него можно не переживать, – насупился Родион. – Он и еще десять годков в одиночку проживет. И будет счастлив. Ему так лучше и проще. Тишина, покой, сам себе хозяин.

– Как и ты через десять минут, – подытожил я. – Значит, так. Я уехал, на тебе дальнейшие работы по разбору багажа.

И я хочу онеметь от восторга, когда вернусь и войду в квартиру. Даже не так. Я должен восторженно сказать: «Вот это да! Как тут все чисто! А как аккуратно разложены вещи! И коробки кто-то подготовил к выбросу! Кто же это такой молодец?»»

– Не получится, – подала голос с кресла Жанна. – Слишком ты высоко планку задрал, не справится он.

– Я? – Родька даже подпрыгнул от возмущения. – Я не справлюсь? Да чтобы у тебя язык отсох!

– Мой язык давно в пепел превратился, – сообщила ему девушка. – В печи крематория. Так что считай, что твое желание уже исполнилось. Саш, а я еду с тобой?

– Не-а, – качнул головой я. – Остаешься тут. Поможешь товарищу с раскладыванием вещей.

– Как? – личико Жанны приняло наивно-трогательное выражение. Она вытянула руки и показала их мне. – Я же мертвенькая. Мне пылинку не поднять, не то что вон костюм или ремень.

– Полезными советами, – пояснил я. – Что куда лучше класть. Ну, или там, вешать.

– А, так я за старшую остаюсь? – уточнила девушка. – Это приятно.

– Она?! – заорал Родька, окончательно выходя из себя. – За старшую? Да я... Да мне... Да никто никогда...

– Кунсткамера, – вздохнул я. – По-другому не скажешь. Хоть опять в Европу убегай.

– Я за! – тут же успокоился Родька.

– И я, пожалуй, тоже, – подняла руку Жанна. – Приехали, посмотрели, Москва на месте, подруги, стервы такие, еще не передохли, значит, можно снова улетать. Для начала лучше всего в Осло.

– Почему туда? – опешил я.

– Всегда хотела там побывать. При жизни не довелось, так хоть теперь на Норвегию гляну.

– А это вообще где? – спросил у нее тихонько Родька.

– На севере, – пояснила ему девушка. – Стокгольм помнишь?

– Ага. Там рыбка вкусная, – кивнул мой слуга. – И мороженое у них славное.

– Вот. А Норвегия – она еще дальше. А за ней – Исландия с ледниками.

– Ишь ты! А чего мы в тот раз до нее не добрались?

– Так мы и в Швецию изначально не планировали ехать, – всплеснула руками Жанна. – Сашу туда по работе позвали. Забыл, по какой причине мы в Вазастане под дождем по крышам бегали и кого ловили? Ах, да. Ты и не знаешь. С чего бы? Да просто ты в это время в теплом номере отеля газировку дул и мороженое с вкусной рыбкой трескал за обе щеки!

– Я, если надо, за хозяина знаешь как? Горой! – снова завелся Родька. – А вот ты, студня синюшная...

Как говорилось в старинной народной сказке, на колу мочало, начинай сначала. Но если в путешествии эти бесконеч-

ные дразги казались где-то даже милыми, поскольку создавали иллюзию того, что я на чужбине не один, то здесь, дома, они сразу начали меня раздражать. Все-таки прав был бородатый теоретик коммунизма – бытие определяет сознание.

Я тихонько собрал рюкзак, прихватил нож, пакеты, в которых лежали подарки, привезенные родителям, и продукты, купленные для Лесного Хозяина, и покинул квартиру, на ходу доставая телефон. А спорщики этого даже не заметили, так увлеклись разбором поездки в Швецию, которая случилась год с лишним назад. Кстати, та еще вышла поездочка. Стокгольм не Нью-Йорк какой-нибудь, у него за спиной восемь веков, причем иные из них далеко не самые веселые, так что там чего только нет и кого только не встретишь. Например, ведьмы там лютые, наши по сравнению с ними сама безобидность. И хитры очень. Впрочем, их можно понять, два века методичного истребления кого хочешь заставят пересмотреть взгляды на добро и зло, пусть даже десять поколений после этих гонок по вертикали сменится.

Одна такая, по имени Нильсин, меня чуть на скалу Блокула не затащила. Тамошние ведьмы собираются на этой самой скале раз в году на свои корпоративные встречи, и рубль за сто, что она меня туда тащила точно не для того, чтобы со стонами отжаться. Добро, хоть я в самый последний момент, когда мы уже на перекресток, с которого путь на Блокулу открывается, вышли, сообразил, что если сейчас ноги не сделаю, то завтрашний день пройдет уже без меня. И все

остальные тоже.

Но красивая была эта Нильсин – слов нет. Вон сейчас ее вспомнил, и по телу аж мураши пробежали. Грудь высокая, глаза зеленые, волосы цвета пшеницы, ямочки на щеках... Уф!

– Сколько? – выходя из подъезда, уточнил я сумму у диспетчера «Яндекс. Такси». – Ого! Нет-нет, заказываю. Ехать-то надо. Через семь минут? Хорошо.

Надо же, вчерашний таксист так и сидит на лавочке у подъезда. Когда я утром возвращался домой, как-то не глянул в ту сторону с устатку, а теперь вот вижу – он в наличии.

Упорный какой.

– Шел бы ты отсюда, – посоветовал я ему, присаживаясь рядом. – Нет смысла в этом бесконечном сидении под моими окнами. Я не буду заниматься твоими проблемами и звонить никому не стану. Прими это как факт, мужик.

– Вода камень точит, – глухо пробормотал таксист. – И потом, не знаю, отчего ты меня видишь и слышишь, но живой же ты человек?

– Что живой – бесспорно, – я подставил лицо теплым солнечным лучам и полуприкрыл глаза. – А вот насчет человека... Тут все не так однозначно. Формально – да, а по жизни мне и самому уже неясно, кто я есть такой.

– Это неважно, – мужчина сдвинул призрачные брови. – Все равно своего добьюсь, ясно?

– Упрямство никогда никого не красило, – укоризненно

произнес я. – Так что лучше возвращайся в Шереметьево, катайся на своей машине, критикуй нынешнего водителя. Какое-никакое, а занятие.

– Девчонка, что с тобой была, сказала, что ты нормальный вроде, – сообщил мне таксист. – Я ей верю. Ну а если ты на меня сердишься за то, что я себя тогда, в машине, неправильно повел, так извини. Просто неожиданно все вышло, понимаешь? На эмоциях к тебе полез, обрадовался, что наконец-то хоть один живой меня услышал.

– Девчонке, что со мной ходит, надо язык укоротить, чтобы лишнего не болтала. – Я поднялся со скамейки, увидев подъезжающую серебристую «Киа». – Особенно тем, кто не входит в число родных и близких.

Таксист вскочил, явно нацелившись составить мне компанию в поездке, я тут же погрозил ему пальцем, как бы говоря – не стоит этого делать.

– Опять обезножишь? – уточнил мужчина и криво улыбнулся. – Да?

– Если попытаешься увязаться следом – обязательно, – подтвердил я. – Или чего похуже сделаю. Поверь, мне такое под силу.

– Ничего. – Таксист снова уселся на скамейку. – Я тебя тут подожду. Времени у меня навалом.

– Валяй, – разрешил я. – Только имей в виду, местные обитатели очень не любят, когда рядом с их домом нежить ошивается. И я сейчас не о жильцах речь веду.

– Да уж понятно, – хмыкнул мужчина. – Уже пробовал в подъезд зайти, мне все объяснили. На пальцах.

Забавный он. Упертый, конечно, чрезмерно, что мне всегда в людях казалось не столько достоинством, сколько недостатком, но зато с несомненным стержнем внутри. И вроде не дурак. Ладно, пусть еще недельку посидит, помаринуется, попокладистее станет, а там поглядим, как с ним быть. Может, и приставлю его к какому полезному для себя делу. Поставлю предел в три-четыре десятка поручений, выполненных не за страх, а за совесть, а после отпущу в небеса. Ну, или чего он там хочет? Позвоню тому, кому нужно. Или той.

Так или иначе штат слуг увеличивать придется. Жить-то на что-то надо, верно? Зелья, конечно, это прекрасно, но очень уж нестабильны на них заработки, то густо, то пусто. Вывод: раньше или позже мне придется принимать заказы на свои услуги. Да и лишний соглядатай мне не помещает. Обеспокоил меня немного Вавила Силыч своим рассказом про оборотня, что ко мне в квартиру хотел попасть. Да и дворничиха кому-то доложила о моем приезде. Нет, в последнем случае я догадываюсь, откуда ноги растут. Либо Вагнеры, либо Ряжская. Первые, скажем честно, жадны без меры, вторая любит выжимать пользу из всего, чего только можно. И из всех. До такой степени любит, что инстинкт самосохранения не всегда срабатывает.

Зря я все же тогда, два года назад, ее напоследок хорошенько не пуганул, одними словами обошелся. Следовало

бы для пущего ума, но я тогда был куда мягче, добрее и доверчивее, чем сейчас. Плюс из страны стремился свалить побыстрее, небезосновательно опасаясь уголовного преследования за совершенные правонарушения. Как-никак человека заживо в печке сжег. Шутка ли? Ну да, все в один голос твердили, что переживать не о чем, но слова – они лишь слова, потому спокойно я вздохнул лишь тогда, когда самолет, уносящий меня из столицы, набрал высоту.

А ведь еще есть ведьмы со своими раскладами, в которых, возможно, для меня уже отведено место. Булавочка свою миссию выполнила, а ее создательница, излечившись от жуткой головной боли, наверняка доложила старшей, что некто Смолин вернулся в город. Понятно, что я далеко не самая ключевая фигура в бесконечной московской ночной шахматной партии, разыгрываемой самыми разными людьми и нелюдьми, но опытный гроссмейстер, вроде приснопамятной Марфы, и пешку может пристроить на доске так, что ее за короля примут. А есть ведь еще и другие игроки, те, которых я не знаю.

Вот только я не желаю быть одной из фигур в чужой игре. И сам ни с кем играть не желаю, мне это ни к чему. Я просто хочу жить спокойно, вот и все. Жаль только, многие с таким подходом к делу не согласятся, потому придется отстаивать свою позицию неприятными и жесткими методами. Хоть и не хочется.

Может, именно потому мои предшественники предпочи-

тали селиться невесть где, на дальних выселках, вроде Лозовки, в которую даже случайно забрести нельзя, или среди тайги? Да и современники особо стараются не светиться. Дэн, насколько я помню, в основном в Гоа околачивается, Славы по полям бродят, добываясь рекордных урожаев, а Олег... А Олег – раздолбай, потому никому особо не интересен.

Кстати. Надо бы ему позвонить, что ли?

За всеми этими мыслями я даже и не заметил, как мы добрались до родительской дачи. Наверное, стоило бы сказать, как сжалось мое сердце при виде нашего фамильного приземистого домика, как я словно бы услышал свой смех, несущийся откуда-то из далекого далека, которое зовется детством, как незваная и неожиданная слеза скатилась по щеке при виде мамы, выбежавшей из ворот мне навстречу и раскинувшей руки, подобно чайке...

Наверное, стоило бы. Но я не люблю врать без нужды, не вижу в этом смысла. Потому и не стану рассказывать о том, чего не было. Да и с чего бы всему этому случиться? Родители и до отъезда меня чаще слышали, чем видели, так что для них ничего существенно не изменилось.

– Саш, ну чего ты не сказал, что все-таки приедешь? – укоризненно произнесла мама, глядя на меня. – А? По дороге заскочил бы на рынок, что на той стороне трассы, купил бы два мешка мульчи, я бы ее под кустарники подсыпала. Отца-то твоего не допросишься сесть за руль и съездить.

– Проси не проси, а мне все одно нельзя, – с достоинством ответил батя и шумно дыхнул на нее. – Правилами дорожного движения запрещено. А я законы чту!

– Вот уже успел тюкнуть! – с негодованием топнула ногой мама. – И главное – когда? Все время же на виду!

Приятно, что хоть что-то в этом мире не меняется. В том числе и закладки бати, которые надежно спрятаны в разных уголках нашего участка, причем так, чтобы мама на них даже случайно не наткнулась.

А вообще ему за эти два года крепко досталось, я погляжу. От того ландшафтного решения, что я помню, почти ничего и не осталось, только деревья стоят на старых местах, хозяйственные постройки и дом. А все остальное поменяло места, даже часть кустарников.

И ведь не лень ей?

– Кушать будешь? – поинтересовалась у меня мама. – Или сразу за работу примешься?

– Так ведь подарки, – я тряхнул пакетами, которые держал в руках. – С ними как?

– Они не убегут, в отличие от выходных и светового дня. Так что переодевайся, бери лопату и помоги отцу.

– Добро пожаловать домой, сын, – хмыкнул батя. – Поди, соскучился по дачному труду-то в заграницах?

Будь на его месте кто другой, наслал бы на этого остряка кого-то из сестер-Лихоманок. Вот прямо сегодня и наслал бы.

– Не то слово, – в тон ему ответил я. – Там, на чужбине, лопата и грядки ко мне во снах приходили, как символ малой родины.

Смех смехом, но в лес я выбрался только вечером, тогда, когда солнце уже потихоньку начало цеплять верхушки деревьев. Ну да, весной темнеет медленно, это не осень, но все равно по свету среди деревьев бродить куда приятнее. Да и злого, только-только народившегося на свет комара меньше.

– Батюшка Лесной Хозяин, поклон тебе, – чуть углубившись в лес и оглядевшись вокруг, негромко произнес я, а следом за тем в соответствии со сказанным поклонился. – Вот приехал к родителям в гости и, само собой, решил к тебе зайти, чтобы все честь по чести было. Подарки принес, ты уж прими их, не побрезгуй.

И я выложил на пенек кругляш хлеба, коробку с сахаром и три пакета конфет. Незамысловаты все же вкусы лесовиков, незатейливы. Хотя, может, именно так и нужно жить, не привыкая к разносолам и отдавая преимущество самой простой еде. Жизнь по-разному поворачивается, сегодня у тебя пир горой, а завтра, глядишь, последний хрен без соли доедаешь. Лесной Хозяин в такой ситуации перемену участи даже не заметит, а вот мне туго придется. Привык к хорошему, разбаловался.

– А чего ж, не побрезгую, – лесовик выбрался из орешника, что рос в двух шагах от меня. – Особливо если дары от

сердца поднесены, как сейчас. Здоров, ведьмак. Давненько не заглядывал ко мне.

– Так в отъезде был, – пояснил я. – За тридевять земель уезжал.

Вроде я ему даже про это говорил при последней встрече? Или нет? Впрочем, какая разница.

– Да на кой оно тебе понадобилось? – лесовик уселся на пень, отломил горбушку от краюхи и начал ее жевать. – Там, чай, не лучше, чем тут?

– Не лучше. – Я присел у раскидистого дуба на изумрудно-зеленую молодую травку. – Там по-другому. Все по-другому. Настолько, что не всегда и поймешь, что к чему. Но дома – лучше.

– То-то и оно, – прочавкал Лесной Хозяин. – Родной куст и зайцу дорог. А что, леса там есть?

– Есть. Но мне они не глянулись. Больно все прилизано, размерено, продумано. Каждое деревце пронумеровано, каждая травинка на учет поставлена. Грибы только со специальным разрешением собирать можно, лишний сорвал – все, плати штраф в казну. Не лес, а выставка. Жизни в них нет. Не все такие, конечно, но многие.

– Эва как, – проникся лесовик. – Видать, сурьезные там Хозяева, коли так дело поставлено.

– Нет в них Хозяев, – огорошил его я. – По крайней мере, мне они не показались, хоть и звал. Да и что им там делать, коли люди лучше их управляются?

– Не бывает так, чтобы Хозяев не имелось в лесу, реке да в поле, – недоверчиво почесал левое ухо лесовик. – Сроду о таком не слышал. Хотя... Иноземье же. Другие порядки, другие правила.

– Дома лучше, – повторил я, оперся спиной о ствол дуба и уставился вверх, туда, где сквозь молодую листву пробивались последние лучи заходящего солнца. – Здесь все настоящее, такое, каким и должно быть.

– На-ко вот, хлебни, – лесовик спрыгнул с пня и подошел ко мне, протягивая помятую жестяную флягу, которая, скорее всего, генерала Брусилова помнила. А то и Скобелева. – Ты до жизни жадный, я погляжу, а эта влага тебе силенок добавит. Есть тут у меня одна полянка, на ней в старинные времена берегиня отдохнуть присела. Летела, понимаешь, откуда-то куда-то, да и завернула на пару часов передохнуть. Должно, устала от хлопот. Вот на том самом месте, где она пристроилась, береза после выросла, да так до сих пор там и стоит. Не берет ее ничто, даром что с той поры невесть сколько времени прошло. Ну а я, как весна наступает и деревья от зимнего сна очухиваются, всегда пару фляжек сока себе с той березы сцеживаю. Так и отец мой делал, и дед, и прадед. Сила в нем немалая, парень. Земная, та, которую никто не переборет. Берегинь тысячи лет никто в глаза не видывал, а то, что они после себя земле, воде да лесу оставили, по сей день живо.

От подобного предложения только дурак отказаться мог.

Ясно же, что подобный дар есть знак того, что Лесной Хозяин во мне друга увидел и за равного себе принял, а это очень и очень хорошо. Кто знает, как дела повернутся завтра? Жизнь непредсказуема. Может получиться так, что мне снова придется спешно уносить ноги из Москвы и где-то отсиживаться. И вот тогда надежнее схрона чем лес, в котором хозяйничает вот такой вот забавный старичок, не найдешь. Ну да, тогда еще, позапрошлой весной, он обещал меня в случае чего прикрыть, но все относительно. Одно дело, когда по обещанию кому-то услугу оказываешь, и совсем другое, когда делаешь то же самое, но только от души, потому что самому-то в радость. Опять же, травы и коренья, из числа тех, что в руки сроду добром не дадутся, по его приказу сами ко мне в сумку полезут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.